

Яснов М. Д. «Подарки для ёлки»

Ветер свищет, ветер пляшет
Над замёрзшую толпой.
Ёлка в клетке лапкой машет:
— Забери меня с собой!

Ёлке, маленькой и слабой,
Холод вроде нипочём...
Мы сюда приходим с папой,
Как в зелёный детский дом.

Отвели её в сторонку,
Чтоб не мёрзла на ветру.
Я колючую сестрёнку
Смело на руки беру.

Свищет ветер в снежном парке,
По сугробам — не пройдёшь...
Дома ёлку ждут подарки:
Фонари!
Хлопушки!
Дождь!

Михаил Яснов

Новый год слетает с неба?
Или из лесу идёт?
Или из сугроба снега
К нам приходит новый год?

Он, наверно, жил снежинкой
На какой-нибудь звезде
Или прятался пушинкой
У Мороза в бороде?

Спать залез он в холодильник
Или к белочке в дупло...
Или в старенький будильник
Он забрался под стекло?

Но всегда бывает чудо:
На часах двенадцать бьёт...
И неведомо откуда
К нам приходит Новый год!

«Зимовые зверей »

Шел бык лесом, попадается ему навстречу баран.

– Куда, баран, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – говорит баран.

– Пойдем со мною!

Вот пошли вместе, попадается им навстречу свинья.

– Куда, свинья, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает свинья.

– Иди с нами.

Пошли втроем дальше, навстречу им гусь.

– Куда, гусь, идешь? – спрашивает бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает гусь.

– Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух.

– Куда, петух, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает петух.

– Иди за нами!

Вот идут они путем-дорогою и разговаривают промеж себя:

– Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать? Бык и сказывает:

– Ну, давайте избу строить, а то и впрямь зимою замерзнем.

Баран говорит:

– У меня шуба тепла – виши какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

– А по мне хоть какие морозы – я не боюсь: зароюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

– А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмет; я и так перезимую.

Петух говорит:

– И я тоже!

Бык видит – дело плохо, надо одному хлопотать.

– Ну, – говорит, – вы, как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живет в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран делать нечего, приходит к быку.

– Пусти, брат, погреться.

– Нет, баран, у тебя шуба теплая; ты и так перезимуешь. Не пущу!

– А коли не пустишь, то я разбегуся и вышибу из твой избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: “Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит”, – и пустил барана.

Вот и свинья озябла, пришла к быку:

– Пусти, брат, погреться.

– Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.

– А не пустишь, так ярылом все столбы подрою да твою избу уроню.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух:

– Пусти, брат, к себе погреться.

– Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так перезимуете!

– А не пустишь, – говорит гусь, – так я весь мох из твоих стен повышиплю, тебе же холоднее будет.

– Не пустишь? – говорит петух. – Так я взлечу наверх, всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе да поживают в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать.

Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось петушком полакомиться, да как достать его? Лиса отправилась к медведю да волку и сказала:

— Ну, любезные мои! Нашла я для всех поживу: для тебя, медведь, — быка, для тебя волк, — барана, а для себя — петуха.

— Хорошо, лисонька! — говорят медведь и волк. — Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдем же зарежем их да поедим!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку:

— Иди ты вперед!

А волк кричит:

— Нет, ты посильнее меня, иди ты вперед!

Ладно, пошел медведь; только что в двери — бык наклонил голову и припер его рогами к стенке. А баран разбежался, да как бацнет медведя в бок и сшиб его с ног. А свинья рвет и мечет в клочья. А гусь подлетел — глаза щиплет. А петух сидит на брусе и кричит:

— Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услыхали крик да бежать!

Вот медведь рвался, рвался, насилу вырвался, догнал волка и рассказывает:

— Ну, что было мне! Этакого страху отродясь не видывал. Только что вошел я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьет, кто рвет, кто шилом в глаза колет. А еще один на брусе сидел да все

кричал: «Подайте сюда, подайте сюда!» Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

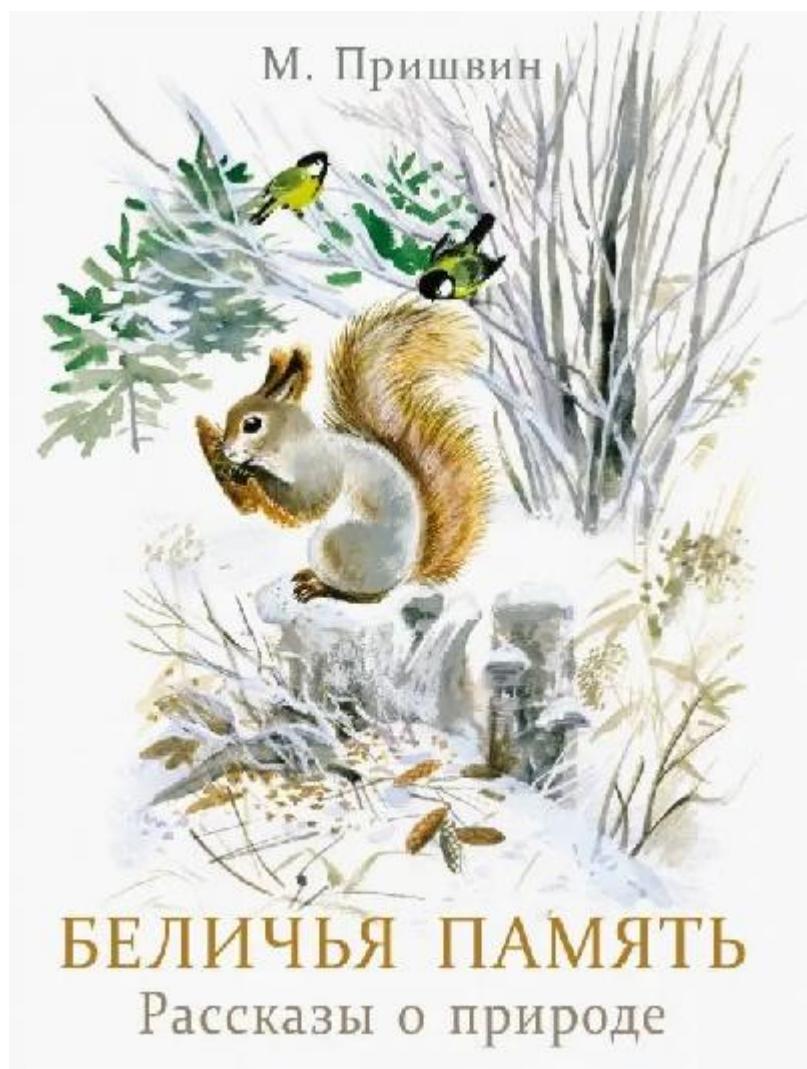
«Беличья память»

Михаил Пришвин

Сегодня, разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал: белка пробилась сквозь снег в мох, достала там с осени спрятанные два ореха, тут же их съела — я скорлупки нашел. Потом отбежала десяток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу и через несколько метров сделала третью полазку.

Что за чудо? Нельзя же подумать, чтобы она чуяла запах ореха через толстый слой снега и льда. Значит, помнила с осени о своих орехах и точное расстояние между ними.

Но самое удивительное — она не могла отмеривать, как мы, сантиметры, а прямо на глаз с точностью определяла, ныряла и доставала. Ну как было не позавидовать беличьею памяти и смекалке!

Бажев П .«Серебряное копытце»

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокования.

Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку.
Спросил у соседей — не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старшего девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми её.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как?
Чему я её учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григорья, да и жену его тоже. Оба весёлые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдёт, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму её. Только пойдёт ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житьё у неё. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастёт. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает её куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдёт от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

— И то правда,— отвечает Кокованя. — Уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришёл он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит — полна изба народу, больших и маленьких. У печки девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно. Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка? Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так ещё кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да ещё корми её!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну как, подарёнушка, пойдёшь ко мне жить? Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да всё увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет, — отвечает Кокованя. — Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдёшь ко мне жить, так всё и расскажу. Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — стариk весёлый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку, Мурёнку, тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

— Про это, — отвечает Кокованя, — что и говорить. Такую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радёхонька, что Кокованя сиротку к себе зовёт. Стала скорей Дарёнкины пожитки собирать. Боится, как бы стариk не передумал. Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трётся у ног-то да мурлычет: “Пр-правильно придумал. Пр-правильно”.

Вот и повёл Кокования сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая, и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокования, сиротка Дарёна да кошка Мурёнка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житьё не плакались, и у всякого дела было. Кокования с утра на работу уходил, Дарёнка в избе прибирала, похлёбку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру собираются, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать. Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет:

“Пр-равильно говорит. Пр-правильно”.

Только после всякой сказки Дарёнка напомнит:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?
Кокования отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козёл особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем, там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору что об этом козле.

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокования, что ростом козёл не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгоночная. А Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у этого — на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого, — отвечает, — не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

— Дедо, а шёрстка у него какая?

— Летом, — отвечает, — буренькая, как вот у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасётся. Дарёнка и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой! Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

— Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберёшь, сколько на них веток. Зимой вот — дело другое. Простые козлы зимой безрогие ходят, а этот — Серебряное Копытце — всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушел. Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

— Ныне в Полдневской стороне много козлов пасётся. Туда и пойду зимой.

— А как же, — спрашивает Дарёнка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

— Там, — отвечает, — у меня зимний балаган у покосных ложков поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а Серебряное Копытце в той же стороне пасётся?

— Кто его знает. Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой! Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное Копытце близко подойдёт — я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

— Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрунешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замёрзнешь ещё!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

— Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею. Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя: “Сводить разве? Раз побывает — в другой не запросится”.

Вот он и говорит:

— Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарёнка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да ещё верёвку. “Нельзя ли, — думает, — этой верёвкой Серебряное Копытце поймать?”

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да что поделаешь! Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдём, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное Копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет: “Пр-ра-вильно придумала. Пр-равильно”.

Пошли Кокованя с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжил старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повёл!

Как стали Кокованя с Дарёнкой из завода выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись, — а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Мурёнка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Дарёнка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Мурёнка до лесу, да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Дарёнка, но не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят — Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Дарёнка хвалится:

— Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

— Известно, веселее.

А кошка Мурёнка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет: “Пр-равильно говоришь. Пр-равильно”.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадью сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить! А Дарёнка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты в завод за лошадью. Надо ведь солонину домой перевезти. Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна! Как большая рассудила. Только заботишься, поди, одна-то.

— Чего, — отвечает, — бояться! Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Мурёнка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся всё-таки!

Ушёл Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днём-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Мурёнка лежит спокойнёхонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — от лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела — это козёл бежит. Ножки тоненькие, головка лёгоночная, а на рожках по пяти веточек. Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Подождала-подождала, воротилась в балаган, да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось. Мурёнка мурлычет: “Правильно говоришь. Пр-правильно”.

Легла Дарёнка рядом с кошкой да и уснула до утра.

Другой день прошёл. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку да приговаривает:

— Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придёт.

Мурёнка свою песенку поёт: “Пр-равильно говоришь. Пр-правильно”.

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звёзды. Хотела спать ложиться — вдруг по стенке топоток прошёл. Испугалась Дарёнка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом — где дверка, а там и сверху запостукивало. Негромко, будто кто лёгононький да быстрый ходит.

Дарёнка и думает: “Не козёл ли тот, вчерашний, прибежал?”

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козёл — тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках.

Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его, как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козёл на это как рассмеялся! Повернулся и побежал.
Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

— Поглядела я на Серебряное Копытце. И рожки видела и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой топает, дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Мурёнка знай свою песенку поёт: “Пр-равильно говоришь. Пр-правильно”.

Третий день прошёл, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Дарёнка. Слёзки запокапывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а её нету. Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козёл. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Мурёнка головой покачивает, и козёл тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать.

Бежит-бежит козёл, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит, козёл дальше отскочит и опять копытцем бьёт. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокования и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козёл стоит — и всё бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются.

Вдруг Мурёнка скок туда же! Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного Копытца не стало.

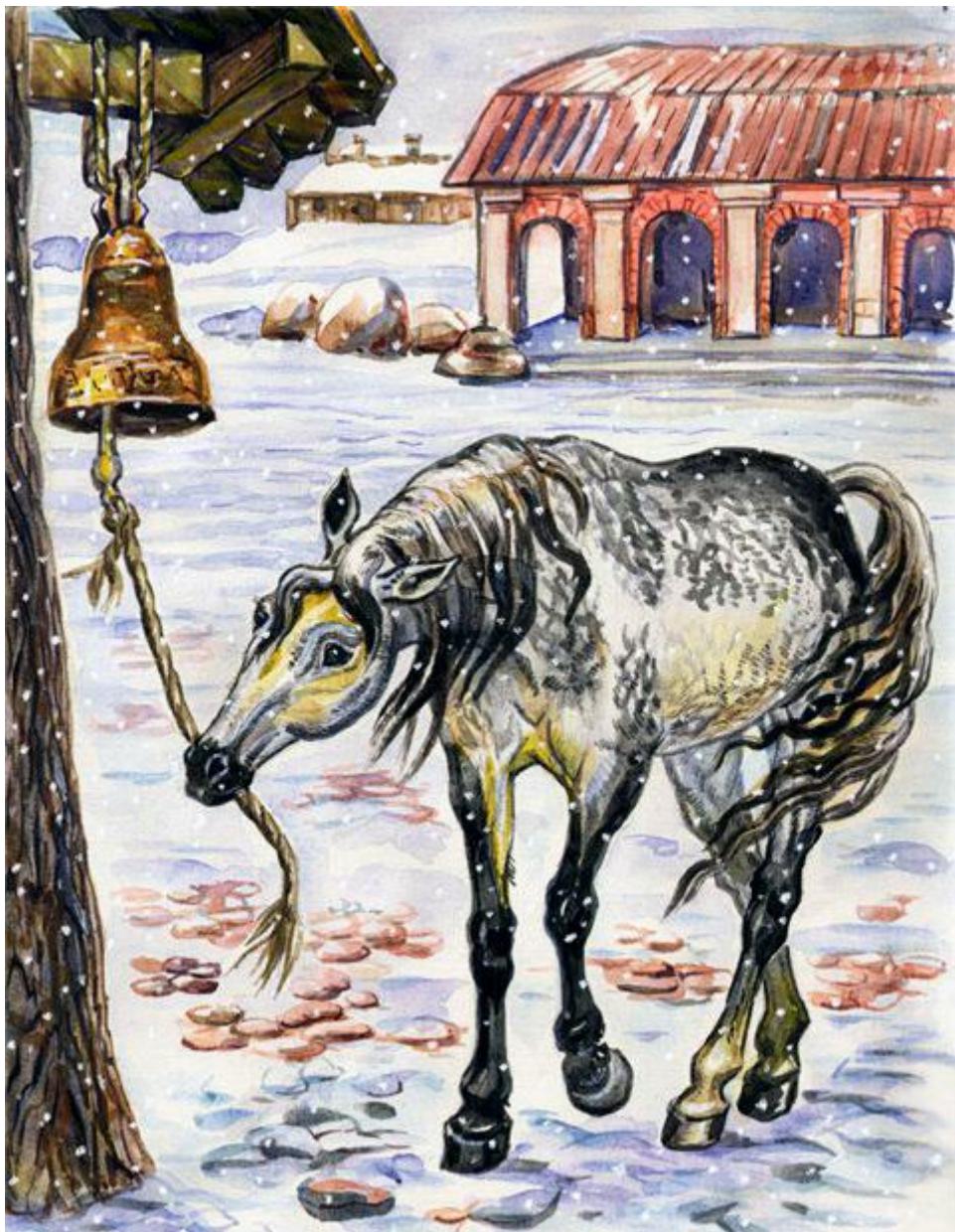
Кокования сразу полшапки камней нагрёб, да Дарёнка запросила:

— Не тронь, дедо! Завтра днём ещё на это поглядим.

Кокования и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокования в шапку нагрёб.

Всё бы хорошо, да Мурёнки жалко. Больше её так и не видали, да и Серебряное Копытце тоже не показался. Потешил раз — и будет.

А по тем покосным ложкам, где козёл скакал, люди камешки находить стали. Зелёненькие больше. Хризолитами называются. Видали?

«Слепая лошадь» Ушинский К.

Давно, очень уже давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было еще на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый славянский город Винета; а в этом городе жил богатый купец Уседом, корабли которого, нагруженные дорогими товарами, плавали по далеким морям.

Уседом был очень богат и жил роскошно: может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он оттого, что в его доме было решительно всё, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на золоте и на серебре, ходили только в соболях да в парче.

В конюшне Уседома было много отличных лошадей; но ни в Уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра — так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту ее ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездили верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своем любимом коне через большой и темный лес. Дело было под вечер, лес был страшно темен и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинешенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальней поездки.

Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов со зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках; трое были на лошадях, трое пешком, и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду.

Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер. Почуяв на узде чужую руку, конь рванулся вперед, своею широкою, сильною грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забегал вперед и хотел было преградить ему дорогу, и помчался как вихрь. Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать Уседомова коня?

Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собою разъяренных злодеев.

Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своем добром коне, с которого пена ключьями валилась на землю.

Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал: что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса.

Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не присмотрел сам за лошадью, а ленивый работник не выводил измученного коня как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени.

С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп. Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал свое обещание: слепой конь стоял по-прежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса.

Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показалось слишком нерасчетливо давать слепой, никуда не годной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Еще прошло полгода; слепой конь был еще молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере.

Наконец, и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне. Слепого коня работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шел.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошел снег, спать на камнях было жестко и холодно для бедной слепой лошади.

Несколько часовостояла она на одном месте, но наконец голод заставил ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадется ли где-нибудь хоть клок соломы со старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вечем. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырех столбах большой вечевой колокол, по звону которого собирался народ и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным и требовал от народа суда и защиты. Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от народа сильно досстанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых висел колокол, и, думая, быть может, вытащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за веревку, привязанную к языку колокола, и стала дергать: колокол зазвонил так сильно, что народ, несмотря на то что было еще рано, толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты. Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина — и удивились, увидя посреди площади бедного коня — слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом.

Скоро объяснилось, в чем дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом выгнал из дома слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единодушно решил, что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол.

Потребовали на площадь неблагодарного купца; и, несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить ее до самой ее смерти. Особый человек приставлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади...

Геннадий Снегирев «Про пингвинов»

ПРО ПИНГВИНОВ

«Пингвиний пляж»

Около Антарктиды со стороны Африки есть маленький островок. Он скалистый, покрыт льдами.

И вокруг в холодном океане плавают льдины. Всюду крутые скалы, только в одном месте берег низкий — это пингвиний пляж. С корабля мы выгрузили свои вещи на этот пляж.

Пингвины вылезли из воды, столпились у ящиков. Бегают по мешкам, клюют их и громко кричат, переговариваются: никогда они не видели таких удивительных вещей!

Один пингвин клюнул мешок, голову склонил набок, постоял, подумал и громко что-то сказал другому пингвину. Другой пингвин тоже клюнул мешок; вместеостояли, подумали, поглядели друг на друга и громко закричали: «Карр... Карр...»

Тут ещё пингвины с гор прибежали на нас смотреть. Много их собралось, задние на передних напирают и кричат, как на базаре. Ещё бы: ведь они первый раз увидели людей и каждому хочется вперёд пролезть, посмотреть на нас, клюнуть мешок.

Вдруг слышу: сзади кто-то танцует.

У нас был большой лист фанеры. Он лежал на камнях, и пингвины на нём устроили танцы. Пробежит пингвин по фанере, назад вернётся, ещё раз пробежит, да ещё лапкой притопнет! Очередь выстроилась — всем хочется потанцевать.

Один пингвин поскользнулся на гладкой фанере и на брюхе проехал, другие тоже стали падать и кататься.

Весь день они танцевали на фанере. Я её не убирал. «Пускай, — думаю, — повеселятся, они, наверное, радуются, что мы приехали».

Вечером пингвины построились в одну шеренгу и ушли. Один пингвин на меня загляделся и отстал. Потом он догнал остальных пингвинов, но никак не мог идти в ногу, потому что всё на меня оглядывался.

Любопытные

Сижу я на камне и ем хлеб. А пингвины ко мне подходят и в рот заглядывают — никак не могут понять, что это я делаю. Очень они любопытные.

Вечером я повесил умывальник на доску. Пока я его к доске прибивал, один пингвин стоял и внимательно смотрел, даже кивал головой.

Утром вышел я умываться, а к умывальнику не подойти: целая толпа пингвинов собралась. Вода из умывальника капает, а пингвины вокруг молча стоят, головы набок и слушают, как капли разбиваются о камни. Для них это, может быть, музыка.

Раз я в палатке разжёг примус. Примус шумит. Я ничего не замечаю.

Хотел выйти из палатки и не смог: у входа столпились пингвины, слушают примус. Я чай согрел и выключил примус.

Пингвины закричали, загадели. Хотят ещё послушать. Я им примус просто так зажигал — пусть слушают.

Забияки

Пингвины не только любопытные, были среди пингвинов и драчуньи.

Один пингвин бежал мимо нашей палатки и налетел на пустой бидон. Бидон зазвенел.

Пингвин обратно вернулся и опять налетел. Бидон звенит, пингвин с криком на него налетает и бьёт крыльями.

Я пингвина оттаскиваю от бидона, а он мне руки клюёт, злится.

Но самое страшное было ходить за водой.

Идёшь по дорожке, а сам боишься.

За камнями жил пингвин-забияка. Он меня всегда поджидал и набрасывался. Вцепится клювом в сапог и клюёт, бьёт крыльями.

Я, когда ходил за водой, брал с собой половник. Как забияка налетит — я его половником. Он очень половника боялся.

Хитрый поморник

Иду я раз по острову, слышу: пингвины кричат за камнями, хлопают крыльями.

Это кружится над ними поморник, хочет схватить пингвинёнка.

А поморник самый главный их враг на суше.

Если пингвинёнок заболеет или отстанет от других, поморник оттаскивает его в сторону и клюёт насмерть.

Кружится поморник над пингвинами. Они в кучу сгрудились: птенцы в середине, взрослые по краям. Видит поморник, что не схватить ему пингвинёнка, тогда он схитрил: сел на землю, к пингвинам подошёл и стоит не шевелится. Долго стоял.

Пингвины к нему привыкли, успокоились.

Птенцы стали играть. Один птенец отошёл в сторону. Поморник набросился на него и утащил.

К морю

Пингвины с утра идут к морю. Перебираются через ущелья. По ровному месту идут гуськом. С гор катятся на брюхе по снегу. Первый пингвин ляжет на живот — и вниз, за ним второй, третий... и покатились...

Внизу отряхнутся от снега, выстроится в цепочку и снова в путь. Молча идут они, все в ногу, серьёзные.

Придут пингвины на крутой берег, посмотрят вниз и загалдят: высоко, страшно! Задние на передних напирают, ругаются: надо прыгать!

Первый пингвин растопырит крыльышки — и вниз головой.

И прыгают с кручи один за другим, по очереди. Вынырнут из воды, наберут воздуха — опять под воду. Нырнут, поймают рака, опять вверх — глотнуть воздуха. В воде они тоже цепочкой плавают, кувыркаются, играют.

Морской леопард

Вдруг все пингвины стали высакивать из воды.

Кто был ближе к берегу — на берег. А кто далеко — на льдины. Как будто их выталкивали из моря.

Один пингвин выпрыгнул из воды на льдину.

За ним второй.

Первый пингвин не успел отойти, второй ему на голову сел.

Всё море опустело. На льдинах молча стоят пингвины, и на берегу целые толпы стоят — друг на друга смотрят.

И в этой тишине из воды вынырнул ужасный зверь. Вытянул свою шею, посмотрел на пингвинов, глаза налились кровью, ноздри раздуваются. Фыркнул зверь, нырнул под воду и уплыл.

А пингвины ещё долго молча стояли на берегу и на льдинах: никак не могли опомниться от страха. Потом задние нетерпеливо закричали, напёрли на передних, и опять пингвины скатились в море.

Зверь этот был морской леопард — огромный, хищный тюлень с острыми зубами.

В море он пингвина хватает, подбрасывает в воздух и разрывает.

Отважный пингвинёнок

Однажды я спускался к морю и увидел маленького пингвинёнка. У него ещё только выросли три пушинки на голове и коротенький хвостик.

Он смотрел, как взрослые пингвины купаются. Остальные птенцы стояли у нагретых солнцем камней.

Долго стоял на скале пингвинёнок: страшно ему было бросаться в море.

Наконец он решился и подошёл к краю скалы.

Маленький голый пингвинёнок стоял на высоте трёхэтажного дома. Его сносил ветер.

От страха пингвинёнок закрыл глаза и... бросился вниз. Вынырнул, закружился на одном месте, быстро вскарабкался на камни и удивлённо посмотрел на море.

Это был отважный пингвинёнок. Он первый искупался в холодном зелёном море.

Камушки

Я заметил, что пингвины идут с пляжа молча. Оказывается, они держат в клювах камушки. Если уронит пингвин камушек на землю, то обязательно остановится и поднимет его.

Бывает и так: другому пингвину этот камушек покажется лучше. Он свой выбрасывает и хватает чужой.

Начинается драка за камушек, и достаётся он самому сильному.

Пингвинам камушки нужны не играть, а гнёзда строить. Ведь остров их весь каменный, ни одной травинки не растёт. Поэтому пингвины строят гнёзда из камушков.

Пингвиниха сидит на гнезде и со всех сторон камушки под себя подгребает. А рядом стоит пингвин, посматривает кругом — караулит.

Пингвин зазевается, сосед его камень схватит и положит к себе в гнездо. Из-за этого пингвины всегда кричат и дерутся — отнимают друг у друга камушки.

До свидания!

Завыл ветер. Поднялась пурга. Ничего кругом не видно, всё занесло снегом. Я пошёл прощаться с пингвинами.

Пингвинов я не нашёл, только остались от них снежные бугорки.

Копнул я один бугорок ногой. Смотрю: клюв торчит. Толкнул я тогда второй бугорок.

Вдруг бугорок зашевелился, и выскоцил из него пингвин, закричал на меня, заругался...

В пургу все пингвины ложатся на камни. Их заносит снегом. Они лежат в снежных домиках, клювом прорыкают окошечки.

А птенцы так и остаются стоять на камнях. Их залепляет снегом, и получаются снежные комочки. Я подошёл к такому комочку, а он от меня убежал.

Я снял шапку и сказал пингвинам: «До свидания!»

Но они лежали занесённые снегом. И только пингвин-забияка бежал за нами до самого берега.

Никак я его не мог прогнать, потому что половник был спрятан в мешке.

Валентина Дмитриева — «Малыш и Жучка»

Когда мать Малыша, Федосья, привела его в первый раз в школу, учительница с удивлением сказала:

— Какой маленький! Сколько же ему лет?

— Седьмой годок пошёл, — сказала Федосья.

Учительница покачала головой:

— Нет, матушка, я не могу его принять. У нас в школе и так тесно, большим места нет, а вы ещё младенцев будете приводить. Куда я с ним денусь? Нет, не могу!

— Прими, пожалуйста! — просила Федосья. — Что делать, родимая, уж очень мне с ними трудно! Муж у меня помер, а детей-то семеро, мал мала меньше...

Анна Михайловна молчала и глядела на Малыша. Он стоял перед ней такой крошечный, в рваном полушубке, с огромной, должно быть отцовской, шапкой в руках и серьёзно глядел на неё своими большими серыми глазами.

— Да что же я с ним делать буду? — сказала она улыбаясь. — Ведь он, я думаю, и говорить-то ещё не умеет...

Малыш потянул в себя носом, махнул шапкой и сказал:

— А у меня Жучка есть!

— Это ещё что за Жучка? — смеясь, сказала учительница.

— Да это он про собачку, — отвечала за него мать. — Собака у нас, Жучка, и собачонка-то дрянная, а вот, поди ты, привязалась, так за ним и бегает! Водой не отольёшь!

— И вовсе не дрянная! — обиженно возразил Малыш. — Она хорошая! И служить умеет и... Да вот она!..

И Малыш показал на окно, в которое с улицы заглядывала косматая, вся в репьях, собачья морда.

— Ишь, сидит! — с удовольствием сказал Малыш. — Это она нас дожидается. Эй, Жучка!

И, к ужасу своей матери, он вдруг засвистал что было сил.

— Ах ты, озорник! Ах ты, разбойник! — засуетилась мать. — Что ты делаешь, озорник? Что о тебе тётишка-то подумает? А? И в школу не примет.

Но Анна Михайловна смеялась до слёз и над Малышом, и над его Жучкой, которая на свист хозяина отвечала с улицы радостным лаем.

Посмеявшись, она сказала:

– Ну хорошо, так и быть, присылай его в школу. Вот я его вышколю!..

* * *

Когда на другой день Малыш явился в школу со своей верной Жучкой, ученики встретили его смехом и шутками:

– Гляди-ко, братцы, великан какой! Ай да богатырь! А шапка-то, шапка-то, словно у Ильи Муромца! И собака с ним... Вот так собака! Ха-ха-ха!

Малыш не обращал внимания на эти насмешки... Пусть их смеются! А ну-ка, у кого из них есть такая собака, как Жучка? И шапка тоже ничего. Её ещё покойный батя носил...

Но Анна Михайловна вступилась за Малыша.

– Маленьких обижать нельзя...

* * *

Малыш учился хорошо... Он не только не отставал от других, а ещё и перегонял многих. Одно ему никак не давалось – буква «ш». Как он ни старался, всё выходило у него вместо «каша» – «каса», вместо «Маша» – «Маса». Это его очень огорчало, особенно потому, что ученики подсмеивались над ним...

Несмотря на то что Малыш жил очень далеко от школы, он приходил в школу раньше всех.

В окна... едва-едва брезжит утренний свет, а в сенях уже слышится какая-то возня – кто-то осторожно обивает сапоги о порог...

– Это ты, Малыш?

– Я, тётечка.

– Озяб?

– Не, я-то не озяб, а вот Жучка, небось, озябла, – отвечает Малыш.

Анна Михайловна, улыбаясь, говорит:

– Ах, бедная Жучка! Ну что же, впусти её, пусть погреется!

Малышу только этого и надо! Он отворяет дверь, и Жучка тихонько, повиливая хвостом в знак благодарности, прокрадывается в школу и ложится в уголке у печки...

Учительница ставила перед Малышом чашку чая с молоком и клала большой ломоть ржаного хлеба. Малыш очень любил пить чай и пил его с чувством и удовольствием, причмокивая. Хлеб он съедал весь до крошки, а сахар оставлял. Это повторялось каждый раз, и каждый раз Анна Михайловна говорила Малышу:

– Малыш, а ты опять сахар-то оставил? Возьми его себе!

– Ну что ж! – говорил Малыш и, спрятав огрызочек в карман своих полосатых штанишек, прибавлял: – Я его Дунятке отнесу.

Дунятка была самая младшая сестрёнка Малыша, и он очень любил её. Когда вместо ржаного хлеба учительница давала ему баранки, он никогда не ел их, а непременно прятал и нёс Дунятке.

– Да ты сам-то ешь, – упрашивала его Анна Михайловна. – Я тебе для Дунятки ещё дам.

– Ну, вот ешё, стану я их есть! – возражал Малыш. – Я небось и хлеба наемся: я большой, а Дунятка маленькая!

* * *

Наступили сильные холода, завыли сердитые метели и засыпали село огромными сугробами. Учеников в школе убавилось, потому что многие жили далеко от школы, у них не было тёплой одежды...

Малыш продолжал ходить в школу. Когда разгуливалась выюга или трещал мороз, учительница оставляла мальчика в школе ночевать.

* * *

Однажды у учительницы пекли хлебы. Ещё с утра Малыш всё толковал о том, что пойдёт нынче домой, а когда сели обедать и на столе появились аппетитные ломти горячего хлеба, от которого шёл душистый пар, он решительно заявил:

– Тётинька, я мамушке горяченького хлебца отнесу! Можно?

– Ну что ж, – сказала Анна Михайловна, – вот пообедаем, и пойдёшь.

Но не успели они ещё и кашу доесть, как повалил снег, да такой густой, что в школе сразу потемнело, будто сумерки.

– Ох, Малыш! – произнесла учительница. – Погляди-ка в окно, как ты пойдёшь?

Малыш опечалился и даже ложку положил.

– Нет, тётинька, я уж пойду! Небось я дорогу-то знаю!

Анне Михайловне очень не хотелось отпускать Малыша в такую погоду. Но он так глядел на неё, так просил отпустить его, что она не могла ему отказать.

Она укутала Малыша, обвязала тёплым платком, положила ему за пазуху хлеба, и он отправился. Жучка побежала за ним, и оба исчезли в вихре белых снежинок...

Небо совсем слилось с землёю, дорогу замело, и сквозь вой ветра чуть-чуть доносились унылые звуки колокола, в который звонили для того, чтобы проезжие и прохожие не заблудились. Потом начало быстро темнеть.

«Ах, и зачем я его отпустила? – в беспокойстве думала Анна Михайловна. – Или хоть бы сама с ним пошла...»

Наконец она не вытерпела, оделась потеплее и вышла на улицу. Но на пороге глаза её засыпало снегом, а ветер чуть не сбил с ног. Идти одной было невозможно. Она зашла к соседке и попросила кого-нибудь проводить её. Вызвался сын соседки, Иван...

Им отворила сама Федосья, удивлённая и испуганная.

– Малыш где? – спросила Анна Михайловна, вбегая в избу и оглядываясь.

– Малыш? – сказала Федосья, побледнев. – Да он, как вчерась в школу ушёл, с той поры и не приходил...

Анна Михайловна от ужаса не могла слова выговорить и без сил опустилась на лавку. Федосья глядела на неё во все глаза и бледнела всё больше и больше. Вдруг она всё поняла, ударилась головой о стол и зарыдала. Дети, гревшиеся у печи, тоже подняли крик.

Анна Михайловна опомнилась.

– Что же теперь делать? – проговорила она, вся дрожа как в лихорадке. – Иван, пойдём... соберём соседей. Искать надо...

Иван побежал к соседям. В Федосину избу стал собираться народ.

– Жалко Малыша!.. Пропал малый... Эдакая выюга! Большой – и то собьётся с дороги, – перешёптывались они.

Вдруг в избу вбежал мальчик и сказал:

– На гумнах собака какая-то воет... Так и воет, так и воет... Страсть!

– Постой, да не Жучка ли это? – крикнул кто-то радостно.

– Может, Жучка... Ведь она с ним была!..

Народ гурьбой повалил из избы.

А выюга всё свирепела. Снег слепил глаза, ветер заглушал голоса.

– Сенька, где собака-то воет? Ничего не слышно...

– Право, выла, – уверял Сенька. – Вы постойте, слушайте. Стой! Вон она... вон она...

Все замерли... Сквозь завывания ветра со стороны гумна до них донёсся вой...

Шли очень долго. Ноги вязли в снегу, иногда кто-нибудь падал; фонари задувало ветром...

Но вот надвинулось что-то огромное, тёмное... Это была скирда хлеба... И вой раздался совсем-совсем близко...

– Жучка, Жучка! – закричала Анна Михайловна.

Вой прекратился. От скирды отделился какой-то тёмный комок и с визгом бросился к людям. Это была она, лохматая, неказистая Жучка. Она кидалась то к одному, то к другому, визжала, лизала всем руки и опять возвращалась к скирде. Народ рассыпался вокруг скирды и начал обшаривать её.

– Здесь... Нашёл! – послышался звонкий голос.

Все начали лопатами и руками разгребать снежный холмик... Жучка с визгом и лаем помогала людям лапами и мордой. Наконец Малыша отрыли. Мальчик сидел, прислонившись спиной к скирде, и спал мёртвым сном...

Малыша положили в сенях на соломе, раздели и стали оттирать снегом.

– Отходит... Тёплый стал... руки разгибаются.

Услышав, что Малыш оживает, сестрёнки его подняли крик и выскочили в сени. Между тем Малыш вздохнул – и раз, и другой, и третий... Жучка подняла визг и бросилась его лизать. А Малыш вздохнул ещё раз и с удивлением осмотрелся, не понимая, где он и что с ним. Но, увидев плачущую мать, он вдруг улыбнулся, попробовал подняться и едва слышно прошептал:

– Мамушка... не плачь... я тебе хлебца... горяченького...

«На горке» Николай Носов

Целый день ребята трудились — строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили ее водой и побежали домой обедать. — Вот пообедаем, — говорили они, — а горка пока замерзнет. А после обеда мы придем с санками и будем кататься. А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он

горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шел горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает, — как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскоцил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке. — О, говорит, — хорошая горка получилась! Сейчас скачусь. Только полез на горку — бух носом! — Ого! — говорит. — Скользкая! Поднялся на ноги и снова — бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может. «Что делать?» — думает. Думал, думал — и придумал: «Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на нее». Схватил он фанерку и покатил к дворницкой. Там — ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет все выше и выше. Взбрался на самый верх. — Вот теперь, — говорит, — скачусь! Оттолкнулся ногой и снова — бух носом! Коньки-то по песку не едут!

Лежит Котька на животе и говорит:

— Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках. Тут прибежали ребята. Видят — горка песком посыпана.

— Это кто здесь напортил? — закричали они. — Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

— Нет, — говорит Котька, — я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на нее взобраться.

— Ах ты, умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он — песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

— Может быть, когда-нибудь снег пойдет, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

— Так снег, может, через неделю пойдет, а нам сегодня надо кататься.

— Ну, я не знаю, — говорит Котька.

— Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

— Засыпай песок снегом!

Котька стал посыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

— Вот теперь, — говорят, — замерзнет, и можно будет кататься.

А Котьке так работать понравилось, что он еще сбоку лопатой ступеньки проделал.

— Это, — говорит, — чтобы всем было легко взбираться, а то еще кто-нибудь снова песком посыплет!

В. Осеева «На катке»

День был солнечный. Лёд блестел. Народу на катке было мало. Маленькая девочка, смешно растопырив руки, ездила от скамейки к скамейке. Два школьника подвязывали коньки и смотрели на Витю. Витя выделялся разные фокусы — то ехал на одной ноге, то кружился волчком.

— Молодец! — крикнул ему один из мальчиков.

Витя стрелой пронёсся по кругу, лихо завернул и наскочил на девочку. Девочка упала. Витя испугался.

— Я нечаянно... — сказал он, отряхивая с её шубки снег. — Ушиблась? Девочка улыбнулась:

— Коленку... Сзади раздался смех.

«Надо мной смеются!» — подумал Витя и с досадой отвернулся от девочки.

— Эка невидаль — коленка! Вот плакса! — крикнул он, проезжая мимо школьников.

— Иди к нам! — позвали они.

Витя подошёл к ним. Взявшись за руки, все трое весело заскользили по льду. А девочка сидела на скамейке, тёрла ушибленную коленку и плакала.

«Мальчик с пальчик»
Автор: Шарль Перро

Жила-была очень бедная семья: дровосек со своей женой и их семеро сыновей.

Самый младший родился на свет таким крошечным, что был не больше пальца. Оттого и прозвали его Мальчик-с-Пальчик. Он был самым рассудительным и смышлённым из всех братьев: говорил мало, зато много слушал.

И вот однажды случился неурожайный год и бедные родители с горя и голода решились бросить своих детей.

Раз вечером, уложив их спать, дровосек и говорит своей жене:

— Жена, мы больше не в состоянии прокормить наших ребятишек. Давай отведем их завтра в лес и пока они будут играть, собирая хворост, потихоньку уйдём.

— Ах, — вскричала жена, — не стыдно ли тебе говорить такие ужасные вещи!

Муж принял уговоривать жену, хотя и у него самого сердце кровью обливалось, а та всё не соглашалась, ведь, хотя и жили они в бедности и голоде, но мать любила своих детей всем сердцем. Однако спустя время всё же согласилась с мужем, и вся заплаканная легла спать.

Мальчик-с-Пальчик не спал и слышал весь разговор отца и матери. Он всю ночь не смыкал глаз, всё думая, как теперь поступить. Утром он встал рано, пошёл к реке, насобирал в карманы маленьких белых камешков и потом вернулся домой.

Скоро вся семья отправилась в лес. Мальчик-с-Пальчик не рассказал братьям о том, что он услышал ночью.

Зашли они в лес дремучий, где за десять шагов не видать друг друга. Дровосек начал рубить деревья, дети — собирать хворост. Когда они углубились в свою работу, отец с матерью понемножку отошли от них и потом вдруг убежали не оглядываясь.

Оставшись одни, дети расплакались от страха. Мальчик-с-Пальчик как мог успокаивал их, ведь он знал, как вернуться домой: ещё по дороге в лес он бросал из карманов маленькие белые камешки. Сказал он тогда своим братьям:

— Не бойтесь! Отец с матерью нас бросили, а я вас домой приведу; только идите за мной.

И он привёл их домой той же самой дорогой, по которой они шли в лес. Войти в дом дети побоялись, но прислонились к двери и стали слушать, что говорят отец с матерью.

В то время случилось так, что помешник вернул дровосеку и его жене долг и им хватило денег, чтобы купить достаточно еды.

Поев жена начала причитать:

— Ах, где теперь наши бедные детки? Как они там в дремучем лесу?

Она так громко плакала, что дети, стоявшие у дверей, услышали её и закричали:

— Мы здесь! Мы здесь!

Мать бросилась открывать им двери и, целуя, сказала:

— Как я рада вас видеть, мои милые детки! Вы, должно быть, очень устали и сильно проголодались.

Дети сели за стол и поужинали с аппетитом, что доставило отцу с матерью большое удовольствие.

Добрые люди не могли нарадоваться возвращению своих детей, но радость их продолжалась лишь до тех пор, пока не закончились деньги. Вот тогда они решились снова отвести детей в лес...

Мальчик-с-Пальчик их подслушал. Вот только белых камешков не мог он набрать, родители заперли двери на ключ.

Утром мать раздала детям по куску хлеба на завтрак. Тут Мальчик-с-Пальчик придумал использовать хлеб вместо камешков и разбросать его по дороге по крошкам. С такой мыслью он спрятал хлеб в карман.

Отец с матерью завели детей в самую густую, самую непроходимую чащу дремучего леса, и как только там очутились, так сейчас же бросили их, а сами ушли.

Мальчик-с-Пальчик не слишком-то опечалился, ведь надеялся легко найти дорогу по хлебным крошкам, которые везде рассыпал. Но как же он удивился, когда, начав искать, не нашёл нигде ни одной крошки! — мимо пролетали птицы и все их склевали.

Попали дети в беду. Чем больше они продирались сквозь лес, тем больше плутали, тем больше уходили в чащу.

Мальчик-с-Пальчик залез на дерево осмотреться и заметил слабый свет далеко-далеко в лесу. Туда он с братьями и отправился. Долго шли дети, вымокли под дождем, и все перепачкались, пока наконец не дошли до домика, где горел свет.

Постучались в дверь. Вышла старушка, спрашивает, что им нужно.

Мальчик-с-Пальчик отвечает, что так и так, они — бедные дети, заблудились в лесу, просят приютить их.

Увидав, какие они все маленькие, старушка заплакала и говорит им:

— Ах, детки мои бедные, куда это вас занесло? Знаете ли вы, что здесь живёт Людоед? Бегите скорее, а то он вас съест!

Мальчик-с-Пальчик попросил старушку не прогонять их, а получше спрятать, ведь идти им некуда.

Старушка, подумав, впустила их и посадила греться к огню, где целый баран жарился на вертеле на ужин Людоеду.

Не успели дети согреться, как послышался громкий стук в дверь: Людоед вернулся домой. Жена сейчас же спрятала их под кровать и пошла отворять двери.

Людоед сел ужинать и вдруг давай нюхать направо и налево, говоря, что слышит человеческий запах...

— Это, наверное, теленок, — отвечала жена, — я вот только сняла с него шкуру.

— Говорю тебе, — закричал Людоед. — Здесь кто-то есть.

С этими словами он встал и пошел прямо к кровати.

— Ага! — закричал он, — и один за другим вытащил всех детей.

Дети бросились на колени, стали просить пощады, но Людоед их не слушал. Он уже схватил было одного, как тут вмешалась жена.

— И чего ты торопишься, — заговорила она. — Ведь уже поздно. Разве не будет времени завтра?

— Правда твоя, — отвечал Людоед. — Ну, так накорми их, чтобы не исхудали, и уложи спать.

Добрая старушка подала детям отличный ужин, но от страха им кусок в горло не лез.

У Людоеда было семеро дочерей. Они рано легли спать, все семеро лежали на большой кровати, и у каждой из них был на голове золотой венок. В той же самой комнате стояла другая кровать, такой же величины. На эту-то кровать жена Людоеда положила семерых мальчиков, после чего и сама отправилась спать к своему мужу.

Мальчик-с-Пальчик заметил, что у дочерей Людоеда на головах золотые венки. Вот он взял, да и снял с братьев и со своей головы ночные шапочки, снял также — потихоньку — золотые венки с дочерей Людоеда и надел им на головы шапочки, а себе и братьям венки, — для того, чтобы Людоед принял мальчиков за своих дочерей, а дочерей своих за мальчиков.

Ночью Людоед проснулся и стал жалеть, зачем он отложил на завтра то, что мог сделать сегодня. Пробрался он в комнату своих дочерей и подошёл к кровати, где были мальчики. — Все они спали, кроме Мальчика-с-Пальчика, который ужасно испугался, когда Людоед, ощупав голову других братьев, стал щупать его голову.

Почувствовав золотые венки, Людоед отправился к другой кровати. Нащупав шапочки, он по очереди стащил всех детей с кровати, засунул их в большой мешок и крепко связал, чтобы не сбежали. Потом довольный пошел спать.

Как только Мальчик-с-Пальчик услышал, что Людоед заснул, он сейчас же разбудил братьев и вместе они побежали куда глаза глядят.

Проснувшись утром, Людоед увидел, что в мешке не мальчишки, а его дочки, понял обман и закричал изо всех сил:

— Давай жена мне поскорее мои сапоги-скороходы, я догоню беглецов!

Людоед пустился в погоню. Везде искал, перепрыгивая через большие реки, точно через маленькие канавки и наконец вышел на дорогу, по которой шли бедные дети. А им оставалось всего лишь сто шагов до родного дома!

Увидели они Людоеда и спрятались. А тот захотел отдохнуть и присел как раз на ту самую скалу, под которой спрятались мальчики, и заснул.

Тогда Мальчик-с-Пальчик тихонько снял со спящего Людоеда сапоги-скороходы и надел на себя, да ещё и кошелёк золота из кармана прихватил.

Вернулись мальчишки домой, где их встретили с большой радостью.

С тех пор дровосек с женой и детьми жили хорошо и дружно, не зная голода. А Людоеду пришлось вернуться в себе домой ни с чем.

«Морской царь и Василиса Премудрая»
Автор: Русская народная

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил - был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам, долгое время домой не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана - царевича, а царь про то и не ведает.

Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день - то был жаркий - жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на землю и давай глотать студеную воду. Пьет и не чувтует беды; а царь морской ухватил его за бороду.

- Пусти! - просит царь.
- Не пущу, не смей пить без моего ведома!
- Какой хочешь возьми откуп - только отпусти!
- Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал - подумал... Чего он дома не знает? Кажись, все знает, все ему ведомо, - и согласился. Попробовал бороду - никто не держит; встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная, а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать - то нечего, слезами дела не поправишь.

Стали они жить по - старому; а царевич растет себе да растет, словно тесто на опаре, - не по дням, а по часам, - и вырос большой.

"Сколько ни держать при себе, - думает царь, - а отдавать надобно: дело неминучее!" Взял Ивана - царевича за руку, привел прямо к озеру.

- Поищи здесь, - говорит, - мой перстень; я ненароком вчера обронил.

Оставил одного царевича, а сам повернулся домой. Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадается ему навстречу старушка.

- Куда идешь, Иван - царевич?

- Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.

- Ну, оставайся с богом!

И пошла старушка в сторону.

...А Иван - царевич пораздумался: "За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет". И стал ворочать старушку:

- Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстень искать, хожу - высматриваю, а перстня нет как нет!

- Не за перстнем ты здесь: отдал тебя отец морскому царю; выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

- Не тужи, Иван - царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старуху. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц - всё красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки; у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!

Иван - царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры - времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сырь землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанной: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют.

Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сырь землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее!

Долго Иван - царевич не мог отвести очей своих, долго на нее заглядывался да припоминал, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась - нет сорочки, унес кто - то; бросились все искать; искали, искали - не видать нигде.

- Не ищите, милые сестрицы! Улетайте домой; я сама виновата - недосмотрела, сама и отвечать буду. Сестрицы - красные девицы ударились о сырь землю, сделались голубицами, взмахнули крыльями и

полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

- Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек - будешь мне родной батюшкой, коли средних лет - будешь братец любимый, коли ровня мне - будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван - царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

- Ах, Иван - царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича.

А Иван - царевич отправился в подводное царство; видит - и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет.

Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

- Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и поперек - одни рвы, буераки да каменье острое! Чтоб к завтрему было там как ладонь гладко, и была бы рожь посажена, и выросла бы к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла склониться. Если того не сделаешь - голова твоя с плеч долой!

Идет Иван - царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидела его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

- Здравствуй, Иван - царевич! Что слезами обливаешься?

- Как же мне не плакать? - отвечает царевич. - Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменья острые и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться.

- Это не беда, беда впереди будет. Ложись с богом спать, утро вечера мудренее, все будет готово!

Лег спать Иван - царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

- Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, сносите каменья острые, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспела.

Проснулся на заре Иван - царевич, глянул - все готово: нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нем рожь - столь высока, что галка схоронится.

Пошел к морскому царю с докладом.

- Спасибо тебе, - говорит морской царь, - что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копен - все пшеница белоярая; обмолоти мне к завтрему всю пшеницу чисто - начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь - голова твоя с плеч долой!

- Слушаю, ваше величество! - сказал Иван - царевич; опять идет по двору да слезами обливается.

- О чем горько плачешь? - спрашивает его Василиса Премудрая.

- Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

- Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с богом; утро вечера мудренее.

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

- Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть - все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто - начисто.

Поутру зовет морской царь Ивана - царевича:

- Сослужил ли службу?

- Сослужил, ваше величество!

- Пойдем посмотрим.

Пришли на гумно - все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы - все закрома полнеоньки зерном.

- Спасибо тебе, брат! - сказал морской царь.

- Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтобы к рассвету была готова; это будет твоя последняя служба.

Опять идет Иван - царевич по двору и слезами умывается.

- О чем горько плачешь? - спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая.

- Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску.

- Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать; утро вечера мудренее.

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

- Гей вы, пчелы работящие! Сколько вас на белом свете ни есть, все летите стада и слепите из чистого воску церковь божию, чтоб к утру была готова.

Поутру встал Иван - царевич, глянул - стоит церковь из чистого воску, и пошел к морскому царю с докладом.

- Спасибо тебе, Иван - царевич! Каких слуг у меня ни было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства сберегателем, выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены.

Иван - царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много ни мало прошло времени, стосковался Иван - царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

- Что так грустен, Иван - царевич?

- Ах, Василиса Премудрая, взгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

- Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; морской царь разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитряться!

Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном - царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя - молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери:

- Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовет.
- Еще рано, мы не выспались: приходите после! - отвечает одна слюнка.

Вот посланные ушли, обождали час - другой и опять стучатся:

- Не пора - время спать, пора - время вставать!
- Погодите немного: встанем, оденемся! - отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные:

- Царь - де морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются.
- Сейчас будем! - отвечает третья слюнка.

Подождали - подождали посланные и давай опять стучаться: нет отклика, нет отзыва! Выломали двери, а в тереме пусто.

Доложили дарю, чаю молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном - царевичем уже далеко - далеко!
Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

Ну-ка, Иван - царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван - царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

- Слышу я людскую молвь и конский топ!

- Это за нами гонят! - сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом, Ивана - царевича - старым пастухом, а сама сделалась смирною овечкою.

Наезжает погоня:

- Эй, старичок! Не видал ли ты - не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

- Нет, люди добрые, не видал, - отвечает Иван - царевич, - сорок лет, как пасу на этом месте, - ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

- Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видали только: пастух овечку пасет.

- Что ж не хватали? Ведь это они были! - закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван - царевич с Василисою Премудрою давным-давно скачут на борзых конях.

- Ну, Иван - царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван - царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

- Слышу я людскую молвь и конский топ.

- Это за нами гонят! - сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана - царевича обратила стареньkim попом, а лошадей - деревьями.

Наезжает погоня:

- Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?

- Нет, люди: добрые, не видал; сорок лет тружусь в этой церкви - ни одна птица мимо не пролетала, ни один зверь мимо не прорыскивал.

Повернула погоня назад:

- Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа - старика.

- Что же вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! - закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном - царевичем и Василисою Премудрою.

А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая:

- Иван - царевич! Припади к сырой земле - не слыхать ли погони?

Слез Иван - царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

- Слышу я людскую мольбу и конский топ пуще прежнего.

- Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана - царевича - селезнем, а сама сделалась уткою.

Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сырь землю и обернулся орлом. Хочет орел убить их до смерти, да не тут - то было: что не разлетится сверху... вот - вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот - вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился, бился, так ничего не смог сделать. Поскакал царь морской в свое подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном - царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридесятое царство.

- Подожди меня в этом лесочке, - говорит Иван - царевич Василисе Премудрой, - я пойду доложусь наперед отцу, матери.

- Ты меня забудешь, Иван - царевич!

- Нет, не забуду.

- Нет, Иван - царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, как станут два голубка в окна биться!

Пришел Иван - царевич во дворец; увидали его родители, бросились ему на шею и стали целовать - миловать его; на радостях позабыл Иван - царевич про Василису Премудрую.

Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься к какой - то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвирне в работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь.

- Разгадай, хозяйушка, что будет из этих голубков?

- А что будет? Съедим их - вот и все!

- Нет, не угадала!

Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно - и в ту же минуту голуби встрепенулись, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать прочь.

Тут только Иван - царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать.

«Сестрица Алёнушка и братец Иванушка»

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Аленушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Аленушка да Иванушка одни-одинешеньки.

Пошла Аленушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Аленушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдем до колодца.

Шли-шли, — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, теленочком станешь!

Братец послушался, пошли дальше. Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Аленушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребеночком станешь!

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше. Идут, идут, — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы. Иванушка говорит:

— Сестрица Аленушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козленочком станешь! Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козленочком... Зовет Аленушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козленочек.

Залилась Аленушка слезами, села на стожок — плачет, а козленочек возле нее скачет. В ту пору ехал мимо купец:

— О чём, красная девица, плачешь? Рассказала ему Аленушка про свою беду. Купец ей и говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козленочек будет жить с нами. Аленушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козленочек с ними живет, ест-пьет с Аленушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда не возьмись приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и ласково начала звать ее купаться на реку.

Привела ведьма Аленушку на реку. Кинулась на нее, привязала Аленушке на шею камень и бросила ее в воду.

А сама оборотилась Аленушкой, нарядилась в ее платье и пришла в ее хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козленочку все было ведомо. Повесил он голову, не пьет, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовет:

— Аленушка, сестрица моя!.. Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма, стала просить мужа:

— Зарежь да зарежь козленка...

Купцу жалко было козленочка, привык он к нему, а ведьма так пристает, так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные. Козленочек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козленочек на речку, стал на берегу и жалобно закричал:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Аленушка из реки ему отвечает:

— *Aх, братец мой Иванушка!*
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

А ведьма ищет козленочка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козленка, приведи его ко мне.

Пошел слуга на реку и видит: по берегу бегает козленочек и жалобно зовет:

— *Аленушка, сестрица моя!*
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— *Aх, братец мой Иванушка!*
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Аленушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Аленушка ожила и стала краше, чем была.

А козленочек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой. Ведьму привязали к лошадиному хвосту, и пустили в чистое поле.

Автор: Агния Барто

Есть такие мальчики

Мы на мальчика глядим —
Он какой-то нелюдим!
Хмурится он, куксится,
Будто выпил уксуса.

В сад выходит Вовочка,
Хмурый, словно заспанный.
— Не хочу здороваться,—
Прячет руку за спину.

Мы на лавочке сидим,
Сел в сторонку нелюдим,
Не берет он мячика,
Он вот-вот расплачется.

Думали мы, думали,
Думали, придумали:
Будем мы, как Вовочка,
Хмурыми, угрюмыми.

Вышли мы на улицу —
Тоже стали хмуриться.

Даже маленькая Люба —
Ей всего-то года два —
Тоже выпятила губы

Он пощады запросил:
— Ой, смеяться нету сил!

Он теперь неузнаваем.
С ним на лавочке сидим,
И его мы называем:
Вова — бывший нелюдим.

Он нахмуриться захочет,
Вспомнит нас и захочет.

Госпожа Метелица

Была у одной вдовы дочь, была у нее еще и падчерица. Падчерица прилежная, красивая, а дочка и лицом нехороша, и лентяйка страшная. Дочку свою вдова очень любила и все ей прощала, а падчерицу заставляла много работать и кормила очень плохо.

Каждое утро должна была падчерица садиться у колодца и прядь пряжу. И столько ей нужно было спрятать, что часто даже кровь выступала у нее на пальцах.

Однажды сидела она так, пряла и запачкала кровью веретено. Наклонилась девушка к колодцу, чтобы обмыть веретено, и вдруг выскользнуло у нее веретено из рук и упало в колодец.

Заплакала падчерица и побежала домой к мачехе рассказать о своей беде.

— Ты его уронила, ты его и доставай, — сказала мачеха сердито. — Да смотри, без веретена не возвращайся.

Пошла девушка обратно к колодцу и с горя взяла да и бросилась в воду. Бросилась в воду и сразу сознание потеряла.

А когда очнулась, увидела она, что лежит на зеленой лужайке, с неба солнце светит, а на лужайке цветы растут.

Пошла девушка по лужайке, смотрит: стоит на лужайке печь, а в печи хлебы пекутся. Хлебы крикнули ей:

— Ах, вынь нас, девушка, из печи поскорее!

Ах, вынь поскорее! Мы уже спеклись! А не то мы скоро совсем сгорим!

Взяла девушка лопату и вынула хлебы из печи. Потом пошла она дальше и пришла к яблоне. А на яблоне было много спелых яблок. Яблоня крикнула ей:

— Ах, потряси меня, девушка, потряси! Яблоки давно уже поспели!

Стала девушка трясти дерево. Яблоки дождем на землю посыпались. И до тех пор трясла она яблоню, пока не осталось на ней ни одного яблока.

Сложила девушка яблоки в кучу и пошла дальше. И вот наконец пришла она к избушке. В окно избушки выглянула старуха. Из рта у нее торчали огромные белые зубы. Увидела девушка старуху, испугалась и хотела бежать, но старуха крикнула ей:

— Чего ты испугалась, милая? Оставайся-ка лучше у меня. Будешь хорошо работать, и тебе хорошо будет. Ты мне только постель стели получше да перину и подушки взбивай посильнее, чтобы перья во все стороны летели. Когда от моей перины перья летят, на земле снег идет. Знаешь, кто я? Я — сама госпожа Метелица.

— Что же, — сказала девушка, — я согласна поступить к вам на службу.

Вот и осталась она работать у старухи. Девушка она была хорошая, примерная и делала все, что ей старуха приказывала.

Перину и подушки она так сильно взбивала, что перья, словно хлопья снега, летели во все стороны.

Хорошо жилось девушке у Метелицы. Никогда ее Метелица не ругала, а кормила всегда сытно и вкусно.

И все-таки скоро начала девушка скучать. Сначала она и сама понять не могла, отчего скучает, — ведь ей тут в тысячу раз лучше, чем дома, живется, а потом поняла, что скучает она именно породному дому. Как там ни плохо было, а все-таки она очень к нему привыкла.

Вот раз и говорит девушка старухе:

— Я очень стосковалась по дому. Как мне у вас ни хорошо, а все-таки не могу я здесь больше оставаться. Мне очень хочется родных увидеть.

Выслушала ее Метелица и сказала:

— Мне нравится, что ты своих родных не забываешь. Ты хорошо у меня поработала. За это я тебе сама покажу дорогу домой.

Взяла она девушку за руку и привела к большим воротам. Ворота раскрылись, и когда девушка проходила под ними, посыпалось на нее сверху золото. Так и вышла она из ворот, вся золотом обсыпанная.

— Это тебе в награду за твое старание, — сказала Метелица и дала ей веретено, то самое, которое в колодец упало.

Потом ворота закрылись, и девушка снова очутилась наверху, на земле. Скоро пришла она к мачехиному дому. Вошла она в дом, а петушок, сидевший на колодце, в это время запел:

— Ку-ка-ре-ку, девушка пришла!
Много золота в дом принесла!

Увидели мачеха с дочкой, что принесла падчерица с собой много золота, и встретили ее ласково. Даже ругать не стали за долгую отлучку.

Рассказала им девушка обо всем, что с нею случилось, и захотелось мачехе, чтобы ее дочка тоже стала богатой, чтобы она тоже много золота в дом принесла.

Посадила она свою дочь прядь у колодца. Села ленивая дочка у колодца, но прядь не стала. Только расцарапала себе палец терновником до крови, вымазала веретено кровью, бросила его в колодец и сама за ним в воду прыгнула.

И вот очутилась она на той же самой зеленой лужайке, где росли красивые цветы. Пошла она по тропинке и скоро пришла к печи, где пеклись хлебы.

— Ах, — крикнули ей хлебы, — вынь нас из печки! Вынь поскорее! Мы спеклись уже! Мы скоро сгорим!

— Как бы не так! — ответила лентяйка. — Стану я из-за вас пачкаться, — и пошла дальше.

Потом пришла она к яблоне, яблоня крикнула ей:

— Ах, потряси меня, девушка, потряси меня! Яблоки уже давно поспели!

— Как же, как же, — отвечала она, — того и гляди. Если я начну тебя трясти, какое-нибудь яблоко мне на голову свалится да шишку набьет!

Наконец подошла лентяйка к дому госпожи Метелицы. Она совсем не испугалась Метелицы. Ведь сестра рассказала ей о больших зубах Метелицы и о том, что она совсем не страшная.

Вот и поступила лентяйка к Метелице на работу.

Первый день она еще кое-как старалась побороть свою лень, слушалась госпожу Метелицу, взбивала ей перину и подушки так, что перья летели во все стороны.

А на второй и на третий день стала ее одолевать лень. Утром нехотя поднималась она с кровати, постель своей хозяйки стлала плохо, а перину и подушки совсем перестала взбивать.

Надоело Метелице держать такую служанку, вот она и говорит ей:

— Уходи-ка ты обратно к себе домой!

Тут лентяйка обрадовалась.

«Ну, — думает, — сейчас на меня золото посыплется».

Подвела ее Метелица к большим воротам. Распахнулись ворота. Но когда выходила из них лентяйка, не золото на нее посыпалось, а опрокинулся котел со смолой.

— Вот тебе награда за твою работу, — сказала Метелица и захлопнула ворота.

Пришла лентяйка домой, а петушок, сидевший на колодце, увидел ее и закричал:

— Будут смеяться все на селе:
Входит девушка вся в смоле!

И так эта смола к ней крепко пристала, что осталась у нее на коже на всю жизнь.

Драгунский Виктор Юзефович

«Денискины рассказы»

Что любит Мишка.

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро высакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

— О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну, так что скажете?

Я спросил:

— Это вы что играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

— Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

— Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

— Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

— Каким же? Словом-то?

Он серьезно и ясно ответил:

— Музыка. Шопен — великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Ну, а ты что любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

— Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слоненка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звезды, и про лошадиные лица, все, все...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

— Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь еще маленький, ты не обижайся, а смотри-ка — любишь как много!

Тут в разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

— А я еще больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!

Борис Сергеевич рассмеялся:

— Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету! Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поерзal на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

— Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазуранные. Сушки люблю тоже, и барапки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом.

Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но черстые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А еще я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частик в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Вареную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, — на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копченую, и полукопченую, и сыропеченую! Эту вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой — все равно.

Люблю вареники с творогом, творог соленый, сладкий, кислый; люблю яблоки, тертыe с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску — кожурку!

Люблю печенку, котлеты, селедку, фасолевый суп, зеленый горошек, вареное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, могу и сырые.

Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшеничной кашей. Так... Ну, про халву говорить не буду — какой дурак не любит халвы? А еще я люблю утятину, гусятину и индятину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвел глазами потолок и перевел дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше.

Он бормотал:

— Крыжовник, морковку, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени,

хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, колбасу, хотя колбасу тоже говорил...

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждет, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол, Мишка еще скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первый не выдержал Борис Сергеевич.

— Что ж, Миша, — сказал он, — ты многое любишь, спору нет, но все, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел.

— Ой, — сказал он смущенно, — чуть не забыл! Еще — котят! И бабушку!

Заколдованная буква

Недавно мы гуляли во дворе: Аленка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нем лежит елка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофер с нашим дворником стали елку выгружать. Они кричали друг на друга:

– Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Станови ее на попа! Легче, а то весь шпиц обломаешь.

И когда выгрузили, шофер сказал:

– Теперь надо эту елку заактировать, – и ушел.

А мы остались возле елки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Аленка взялась за одну веточку и сказала:

– Смотрите, а на елке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатились. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

– Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

– Пять лет девчонке, а говорит «сыски»... Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

– Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

– Ик!.. Сыски. Ик! Ик! Умру от смеха! Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошел с ума. Я орал:

– Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она – сыски.

У Аленки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

– Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высыпается «сыски»...

Мишка сказал:

– Эка невидаль! У нее зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я все равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово – хыхх-кии! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зеленая,

Боюсь уколюся я.

Но Аленка как закричит. Одна громче нас двоих:

– Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

– Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» – «Хыхки!» – «Сыски!».

Глядя на них, я так хотел, что даже проголодался. Я шел домой и все время думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился и внятно сказал:

– Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё!

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– ... Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

– А это значит, что если кто поступает нечестно, все равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесет наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лег спать, но не спал, а все время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это еще терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдем с тобой в Кремль?

Ну еще бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И еще там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдем. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть все до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлепал ее ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Еще хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидккая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил ее. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Все равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти все можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идем на прогулку в Кремль! – И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошел милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошел к окну, и поглядел вниз. – А еще интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – строго спросила мама.

– Как не стыдно! – Милиционер даже стал по стойке «смирно». – Государство предоставляет вам новое жилье, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

– Не клевещите. Ничего я не выливаю!

— Ах не выливаете?! — язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: — Пострадавший!

И к нам вошел какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине.

Он как вошел, сразу стал заикаться:

– Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжет... Как же я пошлю свое... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на нее взглянуть. Но я себя пересилил, подошел к ней и сказал:

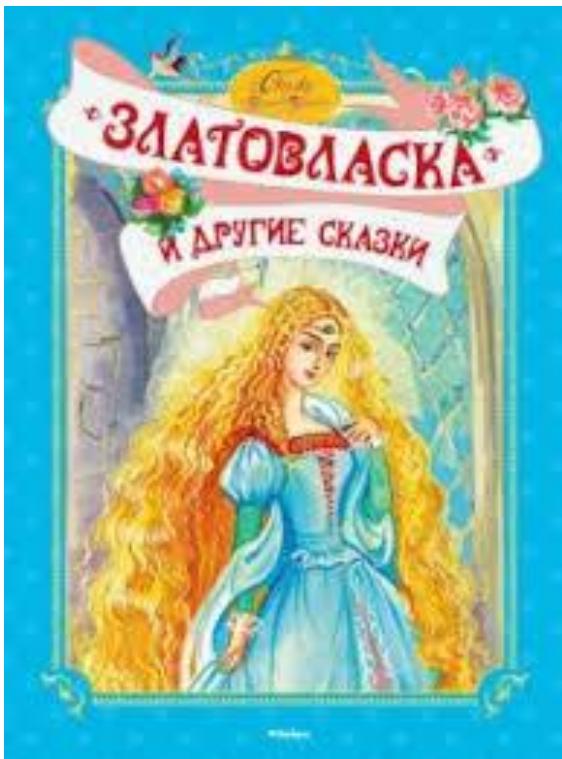
– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь? И я ответил:

– Да.

«Златовласка»

В одной стране – забыл я ее название – был королем злой и сварливый старик. Пришла однажды к нему во дворец торговка, принесла в корзине свежую рыбку и говорит:

– Купи у меня эту рыбку, король, жалеть не будешь.

Король покосился на рыбку:

– Не видел я еще такой рыбки в своем королевстве. Ядовитая, что ли?

– Что ты! – испугалась торговка. – Прикажи эту рыбку зажарить, съешь ее – и ты сразу начнешь понимать разговор всех зверей, рыб и птиц. Даже самый малый жучок что-нибудь пропишет, а ты уже будешь знать, чего он хочет. Станешь самым умным королем на земле.

Королю это понравилось. Он купил у торговки рыбку и, хотя был скончан и жадный, даже не торговался и заплатил, сколько она запросила. Вот теперь, – подумал король и потер костлявые руки, – буду я самым умным на свете и завоюю весь мир. Это уж как пить дать! Поплачут теперь мои недруги .

Король позвал своего слугу, молодого Иржика, и приказал ему зажарить рыбку к обеду.

– Но только без плутовства! – сказал король Иржику. – Если ты съешь хоть один кусочек этой рыбы, отрублю голову.

Принес Иржик рыбку на кухню, поглядел на нее и еще больше удивился: никогда он не видел такой рыбы. Каждая рыбья чешуйка светилась разноцветным огнем, как радуга. Жалко было чистить и жарить такую рыбку. Но против королевского приказа не пойдешь.

Жарит Иржик рыбку и никак не может понять, готова она или нет. Рыба не румянится, не покрывается корочкой, а становится прозрачной.

Кто ее знает, зажарилась она или нет, подумал Иржик. – Надо попробовать .

Взял кусочек, пожевал и проглотил, – как будто готова. Жует и слышит тоненькие писклявые голоса:

– И нам кусочек! И нам кусочек! Ж-ж-жареной рыбы!

Оглянулся Иржик. Никого нет. Только мухи летают над блюдом с рыбой.

– Ага! – сказал Иржик. – Теперь я кое-что начинаю понимать насчет этой рыбы.

Взял он блюдо с рыбой и поставил на окно, на сквозной ветер, чтобы рыба остывла. А за окном идут через двор гуси и тихонько гогочут. Прислушался Иржик и слышит, как один гусь спрашивает:

– Куда пойдем? Куда пойдем? А другой отвечает:

– К мельнику на ячменное поле! К мельнику на ячменное поле!

– Ага! – сказал снова Иржик и усмехнулся. – Теперь-то я понимаю, что это за рыба. Пожалуй, одного кусочка мне маловато.

Иржик съел второй кусок рыбы, потом красиво разложил рыбку на серебряном блюде, посыпал петрушкой и укропом и понес блюдо королю.

С тех пор Иржик начал понимать все, о чем говорили друг с другом звери. Он узнал, что жизнь зверей не такая уж легкая, как думают люди, – есть у зверей и горе и заботы. С этого времени Иржик стал

жалеть зверей и старался помочь каждой самой маленькой зверюшке, если она попала в беду.

После обеда король приказал подать двух верховых лошадей и поехал с Иржиком на прогулку.

Король ехал впереди, а Иржик за ним следом. Горячий конь Иржика все рвался вперед. Иржик с трудом его сдерживал. Конь заржал, и Иржик тотчас понял его слова.

– Иго-го! – ржал конь. – Давай, брат, поскакем и перенесемся одним махом через эту гору.

– Хорошо бы, – отвечал ему конь короля, – да на мне сидит этот старый дуралей. Еще свалится и сломает шею. Нехорошо получится – как-никак, а все-таки король.

– Ну и пусть ломает шею, – сказал конь Иржика. – Будешь тогда возить молодого короля, а не эту развалину.

Иржик тихонько засмеялся. Но король тоже понял разговор коней, оглянулся на Иржика, ткнул его коня сапогом в бок и спросил Иржика:

– Ты чего смеешься, нахал?

– Вспомнил, твоя королевская милость, как сегодня на кухне два поваренка таскали друг друга за вихры.

– Ты у меня смотри! – с угрозой промолвил король.

Он, конечно, не поверил Иржику, сердито повернулся коня и поскакал к себе во дворец. Во дворце он приказал Иржику налить себе стакан вина.

– Но смотри, если недольешь или перельешь – прикажу отрубить голову!

Иржик взял кувшин с вином и начал осторожно лить вино в тяжелый стакан. А в это время влетели в открытое окно два воробья. Один воробей держит в клюве три золотых волоса, а другой старается их отнять.

– Отдай! Отдай! Они мои! Вор!

– Не дам! Я их подхватил, когда красавица расчесывала золотые косы. Таких волос нет ни у кого на свете. Не дам! За кого она выйдет замуж, тот будет самым счастливым.

– Отдай! Бей вора!

Воробы взъерошились и, схватившись, вылетели за окно. Но один золотой волос выпал из клюва, упал на каменный пол и зазвенел, как колокольчик. Иржик оглянулся и... пролил вино.

– Ага! – крикнул король. – Теперь прощайся с жизнью, Иржик!

Король обрадовался, что Иржик пролил вино и можно будет от него отделаться. Король один хотел быть самым умным на свете. Кто знает, может быть, этот молодой и веселый слуга ухитрился попробовать жареной рыбы. Тогда он будет опасным соперником для короля. Но тут королю пришла в голову удачная мысль. Он поднял с полу золотой волос, протянул его Иржику и сказал:

– Так и быть. Я тебя, пожалуй, помилую, если ты найдешь девушку, что потеряла этот золотой волос, и приведешь ее мне в жены, Бери этот волос и отправляйся. Ищи!

Что было делать Иржику? Взял он волос, снарядился в дорогу и выехал верхом из города. А куда ехать, не знает. Отпустил он поводья, и конь поплелся по самой пустынной дороге. Она вся заросла травой. По ней, видно, давно не ездили. Дошла дорога до высокой темной пущи. Видит Иржик: на опушке пылает огонь, горит сухой куст. Пастухи бросили костер, не залили, не затоптали, и от костра загорелся куст. А под кустом – муравейник. Муравьи бегают, суетятся, тащат из муравейника свое добро-муравьиные яйца, сухих жучков, гусениц и разные вкусные зерна. Слышит Иржик, как кричат ему муравьи:

– Помоги, Иржик! Спаси! Горим! Иржик соскочил с коня, срубил куст и погасил пламя. Муравьи окружили его кольцом, шевелят усиками, кланяются и благодарят; – Спасибо тебе, Иржик. Век не забудем твоей доброты! А если понадобится тебе помочь, надейся на нас. Мы за добро отплатим.

Въехал Иржик в темную пущу. Слышит: жалобно кто-то пищит. Осмотрелся и видит: под высокой елью лежат два вороненка – выпали из гнезда – и пищат:

– Помоги, Иржик! Покорми нас! Умираем с голоду! Мать с отцом улетели, а мы еще летать не умеем.

Король нарочно дал Иржику старого, больного коня – настоящую клячу. Стоит конь, ноги у коня трясутся, и видно, что поездка эта для него – одно мучение. Иржик соскочил с коня, подумал, заколол его и оставил воронятам конскую тушу – пусть кормятся.

– Ksp-p, Ир-ржик! Ка-р-р! – весело закричали воронята. – Мы тебе за это поможем!

Дальше пошел Иржик пешком. Долго шел глухим лесом, потом лес начал шуметь все сильнее, все громче, ветер гнул уже вершины деревьев. А потом к шуму вершин прибавился плеск волн, и Иржик вышел к морю. На песчаном берегу спорили два рыбака. Одному попалась в сеть золотая рыба, а другой требовал эту рыбу себе.

– Моя сеть, – кричал один рыбак, – моя и рыба!

– А лодка чья? – отвечал другой рыбак. – Без моей лодки ты бы сеть не закинул!

Рыбаки кричали все сильнее, потом засутили рукава, и дело кончилось бы дракой, если бы не вмешался Иржик.

– Бросьте шуметь! – сказал он рыбакам. – Продайте мне эту рыбу, а деньги поделите между собой. И дело с концом.

Иржик отдал рыбакам все деньги, что получил от короля на дорогу, взял золотую рыбу и бросил в море. Рыба вильнула хвостом, высунула голову из воды и говорит:

– Услуга за услугу. Когда понадобится тебе моя помощь, ты меня позови. Я приплыву.

Иржик сел на берегу отдохнуть. Рыбаки его спрашивают:

– Куда шагаешь, добный человек?

– Да вот ищу невесту для своего старого короля. Приказал достать ему в жены красавицу с золотыми волосами. А где ее найдешь?

Переглянулись рыбаки, сели на песок рядом с Иржиком.

– Ну что ж, – говорят, – ты нас помирил, а мы добро помним. Поможем тебе. Красавица с золотыми волосами на всем свете только одна. Это дочь нашего короля. Вон видишь на море остров, а на острове – хрустальный дворец? Вот там она и живет, в этом дворце. Каждый день на рассвете она расчесывает волосы. Тогда занимается над морем такая золотая заря, что мы просыпаемся от нее в своей хижине и знаем, что пора нам, значит, на ловлю. Мы перевезем тебя на остров. Только узнать красавицу почти невозможно.

– Это почему же? – спрашивает Иржик.

– А потому, что у короля двенадцать дочерей, а золотоволосая одна. И все двенадцать королевен одеты одинаково. И у всех на головах одинаковые покрывала. Волос под ними не видно. Так что дело твое, Иржик, трудное.

Перевезли рыбаки Иржику на остров. Иржик пошел прямо в хрустальный дворец к королю, поклонился ему и рассказал, зачем попал на остров. – Ладно! – сказал король. – Я человек не упрямый. Отдам дочь замуж за твоего короля. Но за это ты должен три дня выполнять мои задачи. Идет?

– Идет! – согласился Иржик.

– Поди поспи с дороги. Отдохни. Мои задачи замысловатые. Их с ходу не решишь.

Хорошо спалось Иржику! В окна дул всю ночь морской ветер, шумел прибой, а изредка даже залетали на постель мелкие брызги.

Встал утром Иржик, пришел к королю. Король подумал и говорит:

– Вот тебе первая задача. Носила моя золотоволосая дочь на шее ожерелье из жемчуга. Оборвалась нитка, и все жемчужины рассыпались в густой траве. Собери их все до единой.

Пошел Иржик на лужайку, где королевна рассыпала жемчуг. Трава стоит по пояс, и такая густая, что земли под ней не видно.

– Эх, – вздохнул Иржик, – были бы здесь друзья муравьи, они бы мне помогли!

Вдруг слышит писк в траве, будто сотни каких-то крошечных людышек возятся около его ног.

– Мы тут! Мы тут! Чем тебе помочь, Иржик? Собрать жемчужины? Погоди, мы это мигом!

Забегали муравьи, замахали усиками и начали стаскивать к ногам Иржика жемчужину за жемчужиной. Иржик едва успевал нанизывать их на соровую нитку. Собрал все ожерелье и понес королю. Король долго пере считывал жемчужины, сбивался, считал снова.

– Все верно! Ну, хорошо, завтра дам тебе потруднее задачу.

Приходит Иржик к королю на следующий день. Король хитро посмотрел на него и сказал:

– Вот беда! Купалась моя золотоволосая дочь и уронила в море золотой перстень. Даю тебе день сроку на то, чтобы ты его достал.

Пошел Иржик к морю, сел на берегу и чуть не заплакал. Море перед ним лежит теплое, чистое и такое глубокое, что даже страшно подумать.

– Эх, – говорит Иржик, – была бы тут золотая рыба, она бы меня выручила!

Вдруг в море что-то блеснуло на темной воде и из глубины всплыла золотая рыба.

– Не грусти! – сказала она Иржику. – Видела я только что щуку с золотым перстнем на плавнике. – Будь спокоен, я его добуду.

Долго ждал Иржик, пока наконец не выплыла золотая рыба с золотым перстнем на плавнике.

Иржик осторожно снял перстень с плавника, чтобы рыбе не было больно, поблагодарил ее и пошел во дворец.

– Ну что ж, – сказал король, – ловкий ты, видно, человек. Завтра приходи за последней задачей.

А последняя задача была самая трудная: принести королю живой и мертвый воды. Где ее взять? Пошел Иржик куда глаза глядят, дошел

до великой пущи, остановился и думает: Были бы здесь мои воронята, они бы...

Не успел он додумать, слышит: над головой свист крыльев, карканье, и видит: летят к нему знакомые воронята. Рассказал им Иржик свое горе.

Воронята улетели, долго их не было, а потом снова зашумели крыльями и притащили Иржику в клювах две баклаги с живой и мертвой водой.

— Кэрр, кэрр, берри и будь рад! Кэрр! Взял Иржик баклаги и пошел к хрустальному дворцу. Вышел на опушку и остановился: между двух деревьев черный паук сплел паутину, поймал в нее муху, убил и сидит сосет мухиную кровь. Брызнул Иржик на паука мертвой водой. Паук тут же умер — сложил лапки и упал на землю. Тогда Иржик побрызгал муху живой водой.

Она ожила, забила крылышками, зажужжала, разорвала паутину и улетела. А улетая, сказала Иржику:

— На свое счастье ты меня оживил. Я тебе помогу узнать Златовласку.

Пришел Иржик к королю с живой и мертвой водой. Король даже ахнул, долго не верил, но попробовал мертвую воду на старой мыши, что бежала через дворцовую комнату, а живую — на засохшем цветке в саду и обрадовался. Поверил. Взял Иржику за руку, повел в белый зал с золотым потолком. Посреди зала стоял круглый хрустальный стол, а за ним на хрустальных креслах сидели двенадцать красавиц, до того похожих одна на другую, что Иржик только махнул рукой и опустил глаза — как тут узнать, которая из них Златовласка! На всех одинаковые длинные платья, а на головах — одинаковые белые покрывала. Из-под них не видно ни волоска.

— Ну, выбирай, — говорит король. — Угадаешь — твоё счастье! А нет — уйдешь отсюда один, как пришел.

Иржик поднял глаза и вдруг слышит — жужжит кто-то у самого уха:

— Ж-и-и-и, иди вокруг стола. Я тебе подскаж-жу.

Взглянул Иржик: летает над ним маленькая муха. Иржик медленно пошел вокруг стола, а королевны сидят, потупились. И у всех одинаково щеки зарделись. А муха жужжит и жужжит:

– Не та! Не та! А вот эта – она, золотоволосая!

Иржик остановился, прикинулся, будто еще сомневается, потом сказал:

– Вот золотоволосая королевна!

– Твое счастье! – крикнул король. Королевна быстро вышла из-за стола, сбросила белое покрывало, и золотые волосы рассыпались у нее по плечам. И сразу же весь зал заиграл таким блеском от этих волос, что казалось, солнце отдало весь своей свет волосам королевны.

Королевна взглянула в упор на Иржика и отвела глаза – такого красивого и статного юноши она не видела ни разу. Сердце у королевны тяжело билось, но отцовское слово – закон. Придется ей идти замуж за старого, злого короля!

Повез Иржик невесту своему господину. Всю дорогу берег ее, следил, чтобы не спотыкался ее конь, чтобы холодная капля дождя не упала на ее плечи. Грустное это было возвращение. Потому что и Иржик полюбил золотоволосую королевну, но не мог ей об этом сказать.

Старый, сварливый король захихикал от радости, когда увидел красавицу, и приказал быстро готовить свадьбу. А Иржику сказал:

– Хотел я тебя повесить на сухом суку за ослушание, чтобы труп твой склевали вороны! Но за то, что ты нашел мне невесту, объявиляю тебе королевскую милость. Вешать я тебя не буду, а прикажу отрубить голову и похоронить с честью.

Наутро отрубили Иржику голову на плахе. Зарыдала золотоволосая красавица и попросила короля отдать ей безглавое тело и голову Иржика. Король насупился, но не решился отказать невесте.

Златовласка приложила голову к телу, побрызгала живой водой – голова приросла, даже следа не осталось. Побрызгала она Иржика второй раз – и он вскочил живой, молодой и еще более красивый, чем был до казни, и спросил Златовласку:

– Почему я так крепко уснул?

– Ты бы уснул навсегда, – ответила ему Златовласка, – если бы я не спасла те милый.

Король увидел Иржика и осталбенел: это он ожила, да еще стал таким красивым, Король был хитрый старик и тут же решил извлечь из этого случая выгоду. Позвал палача и приказал:

– Отруби мне голову! А потом пусть Златовласка побрызгет на меня чудесной водой. И я оживу молодым и красивым.

Палач с охотой отрубил голову старому королю. А воскресить его не удалось, зря только вылили на него всю живую воду. Должно быть, было в короле столько злости, что никакой живой водой не поможешь. Похоронили короля без слез, под барабанный бой. А так как стране нужен был умный и добрый правитель, то и выбрал народ правителем Иржика – недаром он был самым мудрым человеком на свете. А Златовласка стала женой Иржика, и они прожили долгую и счастливую жизнь.

Так и окончилась эта сказка о том, как звери отплатили добром за добро и как король потерял голову.

«Малыш и Карлсон » Линдгрен А.

В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живёт самая обыкновенная шведская семья по фамилии Свантесон. Семья эта состоит из самого обыкновенного папы, самой обыкновенной мамы и трёх самых обыкновенных ребят — Боссе, Бетан и Малыша.

— Я вовсе не самый обыкновенный малыш, — говорит Малыш.

Но это, конечно, неправда. Ведь на свете столько мальчишек, которым семь лет, у которых голубые глаза, немытые уши и разорванные на коленках штанишки, что сомневаться тут нечего: Малыш — самый обыкновенный мальчик.

Боссе пятнадцать лет, и он с большей охотой стоит в футбольных воротах, чем у школьной доски, а значит — он тоже самый обыкновенный мальчик.

Бетан четырнадцать лет, и у неё косы точь-в-точь такие же, как у других самых обыкновенных девочек.

Во всём доме есть только одно не совсем обычное существо — Карлсон, который живёт на крыше. Да, он живёт на крыше, и одно это уже необыкновенно. Быть может, в других городах дело обстоит иначе, но в Стокгольме почти никогда не случается, чтобы кто-нибудь жил на крыше, да ещё в отдельном маленьком домике. А вот Карлсон, представьте себе, живёт именно там.

Карлсон — это маленький толстенький самоуверенный человечек, и к тому же он умеет летать. На самолётах и вертолётах летать могут все, а вот Карлсон умеет летать сам по себе. Стоит ему только нажать кнопку на животе, как у него за спиной тут же начинает работать хитроумный моторчик. С минуту, пока пропеллер не раскрутится, как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достойным видом, словно какой-нибудь директор, — конечно, если можно себе представить директора с пропеллером за спиной.

Карлсону прекрасно живётся в маленьком домике на крыше. По вечерам он сидит на крылечке, покуривает трубку да глядит на звёзды. С крыши, разумеется, звёзды видны лучше, чем из окон, и поэтому можно только удивляться, что так мало людей живёт на крышах. Должно быть, другие жильцы просто не догадываются поселиться на крыше. Ведь они не знают, что у Карлсона там свой домик, потому что домик этот спрятан за большой дымовой трубой. И, вообще, станут ли взрослые обращать внимание на какой-то там крошечный домик, даже если и споткнутся о него?

Как-то раз один трубочист вдруг увидел домик Карлсона. Он очень удивился и сказал самому себе:

— Странно... Домик?.. Не может быть! На крыше стоит маленький домик?.. Как он мог здесь оказаться?

Затем трубочист полез в трубу, забыл про домик и уж никогда больше о нём не вспоминал.

Малыш был очень рад, что познакомился с Карлсоном. Как только Карлсон прилетал, начинались необычайные приключения. Карлсону, должно быть тоже было приятно познакомиться с Малышом. Ведь что ни говори, а не очень-то уютно жить одному в маленьком домике, да ещё в таком, о котором никто и не слышал. Грустно, если некому крикнуть: «Привет, Карлсон!», когда ты пролетаешь мимо.

Их знакомство произошло в один из тех неудачных, дней, когда быть Малышом не доставляло никакой радости, хотя обычно быть Малышом чудесно. Ведь Малыш — любимец всей семьи, и каждый балует его как только может. Но в тот день всё шло шиворот-навыворот. Мама выругала его за то, что он опять разорвал штаны, Бетан крикнула ему: «Вытряхни нос!», а папа рассердился, потому что Малыш поздно пришёл из школы.

— По улицам слоняешься! — сказал папа.

«По улицам слоняешься!» Но ведь папа не знал, что по дороге домой Малышу повстречался щенок. Милый, прекрасный щенок, который

обнюхал Малыша и приветливо завилял хвостом, словно хотел стать его щенком.

Если бы это зависело от Малыша, то желание щенка осуществилось бы тут же. Но беда заключалась в том, что мама и папа ни за что не хотели держать в доме собаку. А кроме того, из-за угла вдруг появилась какая-то тётка и закричала: «Рики! Рики! Сюда!» — и тогда Малышу стало совершенно ясно, что этот щенок уже никогда не станет его щенком.

— Похоже, что так всю жизнь и проживёшь без собаки, — с горечью сказал Малыш, когда всё обернулось против него. — Вот у тебя, мама, есть папа; и Боссе с Бетан тоже всегда вместе. А у меня — у меня никого нет!..

— Дорогой Малыш, ведь у тебя все мы! — сказала мама.

— Не знаю... — с ещё большей горечью произнёс Малыш, потому что ему вдруг показалось, что у него действительно никого и ничего нет на свете.

Впрочем, у него была своя комната, и он туда отправился.

Стоял ясный весенний вечер, окна были открыты, и белые занавески медленно раскачивались, словно здороваясь с маленькими бледными звёздами, только что появившимися на чистом весеннем небе. Малыш облокотился о подоконник и стал смотреть в окно. Он думал о том прекрасном щенке, который повстречался ему сегодня. Быть может, этот щенок лежит сейчас в корзинке на кухне и какой-нибудь мальчик — не Малыш, а другой — сидит рядом с ним на полу, гладит его косматую голову и приговаривает: «Рики, ты чудесный пёс!»

Малыш тяжело вздохнул. Вдруг он услышал какое-то слабое жужжение. Оно становилось всё громче и громче, и вот как это ни покажется странным, мимо окна пролетел толстый человечек. Это и был Карлсон, который живёт на крыше. Но ведь в то время Малыш ещё не знал его.

Карлсон окинул Малыша внимательным, долгим взглядом и полетел дальше. Набрав высоту, он сделал небольшой круг над крышей, облетел вокруг трубы и повернулся назад, к окну. Затем он прибавил

скорость и пронёсся мимо Малыша, как настоящий маленький самолёт. Потом сделал второй круг. Потом третий.

Малыш, стоял не шелохнувшись, и ждал, что будет дальше. У него просто дух захватило от волнения и по спине побежали мурашки — ведь не каждый день мимо окон пролетают маленькие толстые человечки.

А человечек за окном тем временем замедлил ход и, поравнявшись с подоконником, сказал:

— Привет! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?

— Да, да, пожалуйста, — поспешил ответил Малыш и добавил: — А что, трудно вот так летать?

— Мне — ни капельки, — важно произнёс Карлсон, — потому что я лучший в мире летун! Но я не советовал бы увальню, похожему на мешок с сеном, подражать мне.

Малыш подумал, что на «мешок с сеном» обижаться не стоит, но решил никогда не пробовать летать.

— Как тебя зовут? — спросил Карлсон.

— Малыш. Хотя по-настоящему меня зовут Сванте Свантесон.

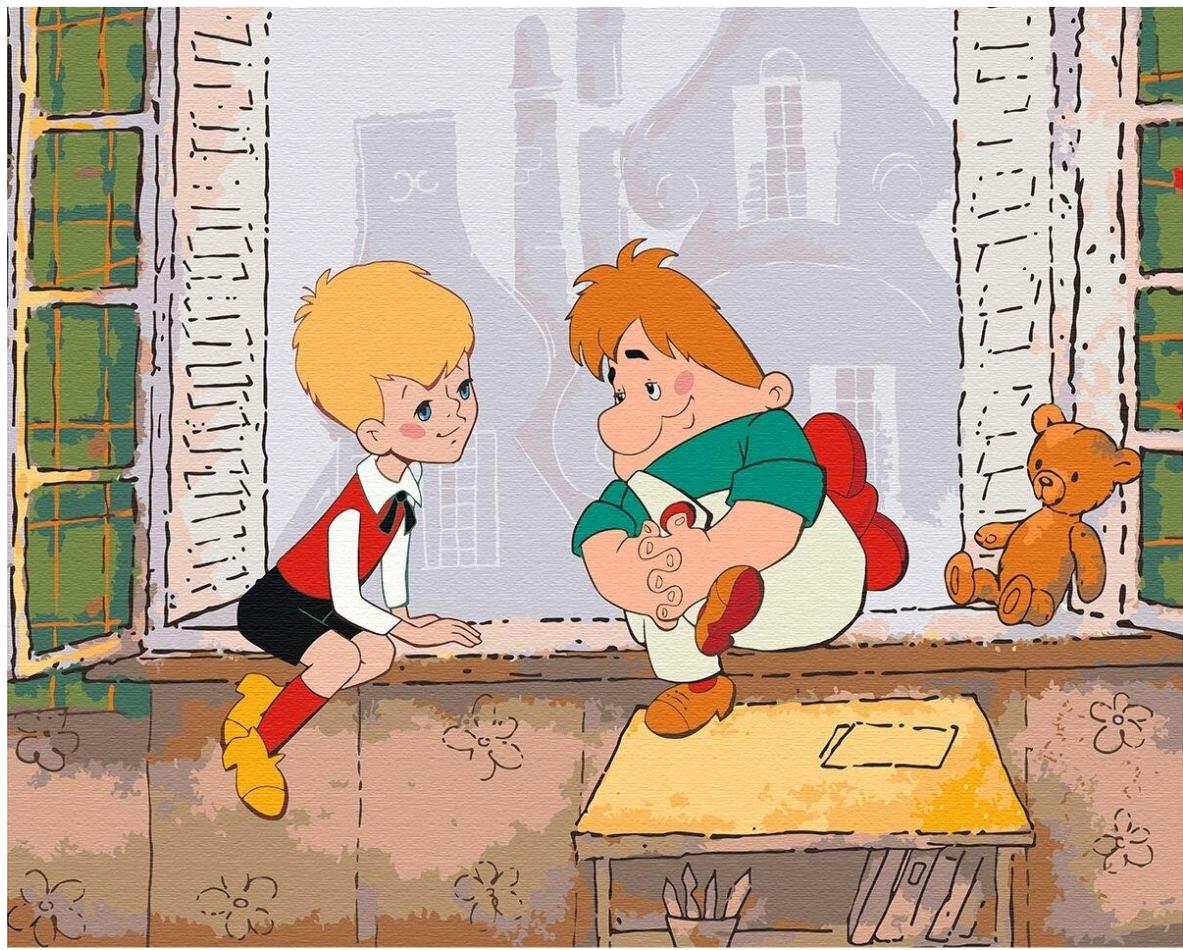
— А меня, как это ни странно, зовут Карлсон. Просто Карлсон, и всё. Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — сказал Малыш.

— Сколько тебе лет? — спросил Карлсон.

— Семь, — ответил Малыш.

— Отлично. Продолжим разговор, — сказал сон.

Затем он быстро перекинул через подоконник одну за другой свои маленькие толстенькие ножки и очутился в комнате.

— А тебе сколько лет? — спросил Малыш, решив, что Карлсон ведёт себя уж слишком ребячливо для взрослого дяди.

— Сколько мне лет? — переспросил Карлсон. — Я мужчина в самом расцвете сил, больше я тебе ничего не могу сказать.

Малыш в точности не понимал, что значит быть мужчиной в самом расцвете сил. Может быть, он тоже мужчина в самом расцвете сил, но только ещё не знает об этом? Поэтому он осторожно спросил:

— А в каком возрасте бывает расцвет сил?

— В любом! — ответил Карлсон с довольной улыбкой. — В любом, во всяком случае, когда речь идёт обо мне. Я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил!

Он подошёл к книжной полке Малыша и вытащил стоявшую там игрушечную паровую машину.

— Давай запустим её, — предложил Карлсон.

— Без папы нельзя, — сказал Малыш. — Машину можно запускать только вместе с папой или Боссе.

— С папой, с Боссе или с Карлсоном, который живёт на крыше. Лучший в мире специалист по паровым машинам — это Карлсон, который живёт на крыше. Так и передай своему папе! — сказал Карлсон.

Он быстро схватил бутылку с денатуратом, которая стояла рядом с машиной, наполнил маленькую спиртовку и зажёг фитиль.

Хотя Карлсон и был лучшим в мире специалистом по паровым машинам, денатурат он наливал весьма неуклюже и даже пролил его, так что на полке образовалось целое денатуратное озеро. Оно тут же загорелось, и на полированной поверхности заплясали весёлые голубые язычки пламени. Малыш испуганно вскрикнул и отскочил.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и предостерегающе поднял свою пухлую ручку.

Но Малыш не мог стоять спокойно, когда видел огонь. Он быстро схватил тряпку и прибил пламя. На полированной поверхности полки осталось несколько больших безобразных пятен.

— Погляди, как испортилась полка! — озабоченно произнёс Малыш.
— Что теперь скажет мама?

— Пустяки, дело житейское! Несколько крошечных пятнышек на книжной полке — это дело житейское. Так и передай своей маме.

Карлсон опустился на колени возле паровой машины, и глаза его засияли.

— Сейчас она начнёт работать.

И действительно, не прошло и секунды, как паровая машина заработала. Фут, фут, фут... — пыхтела она. О, это была самая прекрасная из всех паровых машин, какие только можно себе вообразить, и Карлсон выглядел таким гордым и счастливым, будто сам её изобрёл.

— Я должен проверить предохранительный клапан, — вдруг произнёс Карлсон и принялся крутить какую-то маленькую ручку.
— Если не проверить предохранительные клапаны, случаются аварии.

Фут-фут-фут... — пыхтела машина всё быстрее и быстрее. — Фут-фут-фут!.. Под конец она стала задыхаться, точно мчалась галопом. Глаза у Карлсона сияли.

А Малыш уже перестал горевать по поводу пятен на полке. Он был счастлив, что у него есть такая чудесная паровая машина и что он познакомился с Карлсоном, лучшим в мире специалистом по паровым машинам, который так искусно проверил её предохранительный клапан.

— Ну, Малыш, — сказал Карлсон, — вот это действительно «фут-фут-фут»! Вот это я понимаю! Лучший в мире спе...

Но закончить Карлсон не успел, потому что в этот момент раздался громкий взрыв и паровой машины не стало, а обломки её разлетелись по всей комнате.

— Она взорвалась! — в восторге закричал Карлсон, словно ему удалось проделать с паровой машиной самый интересный фокус. — Честное слово, она взорвалась! Какой грохот! Вот здорово!

Но Малыш не мог разделить радость Карлсона. Он стоял растерянный, с глазами, полными слёз.

— Моя паровая машина... — всхлипывал он. — Моя паровая машина развалилась на куски!

— Пустяки, дело житейское! — И Карлсон беспечно махнул своей маленькой пухлой рукой. — Я тебе дам ещё лучшую машину, — успокаивал он Малыша.

— Ты? — удивился Малыш.

— Конечно. У меня там, наверху, несколько тысяч паровых машин.

— Где это у тебя там, наверху?

— Наверху, в моём домике на крыше.

— У тебя есть домик на крыше? — переспросил Малыш. — И несколько тысяч паровых машин?

— Ну да. Уж сотни две наверняка.

— Как бы мне хотелось побывать в твоём домике! — воскликнул Малыш.

В это было трудно поверить: маленький домик на крыше, и в нём живёт Карлсон...

— Подумать только дом, набитый паровыми машинами! — воскликнул Малыш. — Две сотни машин!

— Ну, я в точности не считал, сколько их там осталось, — уточнил Карлсон, — но уж никак не меньше нескольких дюжин.

— И ты мне дашь одну машину?

— Ну конечно!

— Прямо сейчас!

— Нет, сначала мне надо их немножко осмотреть, проверить предохранительные клапаны... ну и тому подобное. Спокойствие, только спокойствие! Ты получишь машину на днях.

Малыш принялся собирать с пола куски того, что раньше было его паровой машиной.

— Представляю, как рассердится папа, — озабоченно пробормотал он.

Карлсон удивлённо поднял брови:

— Из-за паровой машины? Да ведь это же пустяки, дело житейское. Стоит ли волноваться по такому поводу! Так и передай своему папе. Я бы ему это сам сказал, но спешу и поэтому не могу здесь задерживаться... Мне не удастся сегодня встретиться с твоим папой. Я должен слетать домой, поглядеть, что там делается.

— Это очень хорошо, что ты попал ко мне, — сказал Малыш. — Хотя, конечно, паровая машина... Ты ешё когда-нибудь залетишь сюда?

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и нажал кнопку на своём животе.

Мотор загудел, но Карлсон всё стоял неподвижно и ждал, пока пропеллер раскрутится во всю мощь. Но вот Карлсон оторвался от пола и сделал несколько кругов.

— Мотор что-то барахлит. Надо будет залететь в мастерскую, чтобы его там смазали. Конечно, я и сам мог бы это сделать, да, беда, нет времени... Думаю, что я всё-таки загляну в мастерскую. Малыш тоже подумал, что так будет разумнее. Карлсон вылетел в открытое окно; его маленькая толстенькая фигурка чётко вырисовывалась на весеннем, усыпанном звёздами небе.

— Привет, Малыш! — крикнул Карлсон, помахал своей пухлой ручкой и скрылся.

— Я ведь вам уже говорил, что его зовут Карлсон и что он живёт там, наверху, на крыше, — сказал Малыш. — Что же здесь особенного? Разве люди не могут жить, где им хочется?..

— Не упрямься, Малыш, — сказала мама. — Если бы ты знал, как ты нас напугал! Настоящий взрыв. Ведь тебя могло убить! Неужели ты не понимаешь?

— Понимаю, но всё равно Карлсон — лучший в мире специалист по паровым машинам, — ответил Малыш и серьёзно посмотрел на свою маму.

Ну как она не понимает, что невозможно сказать «нет», когда лучший в мире специалист по паровым машинам предлагает проверить предохранительный клапан!

— Надо отвечать за свои поступки, — строго сказал пapa, — а не сваливать вину на какого-то Карлсона с крыши, которого вообще не существует.

— Нет, — сказал Малыш, — существует!

— Да ёщё и летать умеет! — насмешливо подхватил Боссе.

— Представь себе, умеет, — отрезал Малыш. — Я надеюсь, что он залетит к нам, и ты сам увидишь.

— Хорошо бы он залетел завтра, — сказала Бетан. — Я дам тебе корону, Малыш, если увижу своими глазами Карлсона, который живёт на крыше.

— Нет, завтра ты его не увидишь — завтра он должен слетать в мастерскую смазать мотор.

— Ну, хватит рассказывать сказки, — сказала мама. — Ты лучше погляди, на что похожа твоя книжная полка.

— Карлсон говорит, что это пустяки, дело житейское! — И Малыш махнул рукой, точь-в-точь как махал Карлсон, давая понять, что вовсе не стоит расстраиваться из-за каких-то там пятен на полке.

Но ни слова Малыша, ни этот жест не произвели на маму никакого впечатления.

— Вот, значит, как говорит Карлсон? — строго сказала она. — Тогда передай ему, что, если он ёщё раз сунет сюда свой нос, я его так отшлёпаю — век будет помнить.

Малыш ничего не ответил. Ему показалось ужасным, что мама собирается отшлёпать лучшего в мире специалиста по паровым машинам. Да, ничего хорошего нельзя было ожидать в такой неудачный день, когда буквально всё шло шиворот-навыворот.

И вдруг Малыш почувствовал, что он очень соскучился по Карлсону — бодрому, весёлому человечку, который так потешно махал своей маленькой рукой, приговаривая: «Неприятности — это пустяки, дело житейское, и расстраиваться тут нечего». «Неужели Карлсон больше никогда не прилетит?» — с тревогой подумал Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал себе Малыш, подражая Карлсону. — Карлсон ведь обещал, а он такой, что ему можно верить, это сразу видно. Через денёк-другой он прилетит, наверняка прилетит.

…Малыш лежал на полу в своей комнате и читал книгу, когда снова услышал за окном какое-то жужжание, и, словно гигантский шмель, в комнату влетел Карлсон. Он сделал несколько кругов под потолком, напевая вполголоса какую-то весёлую песенку. Пролетая мимо висящих на стенах картин, он всякий раз сбавлял скорость, чтобы лучше их рассмотреть. При этом он склонял набок голову и прищуривал глазки.

— Красивые картины, — сказал он наконец. — Необычайно красивые картины! Хотя, конечно, не такие красивые, как мои.

Малыш вскочил на ноги и стоял, не помня себя от восторга: так он был рад, что Карлсон вернулся.

— А у тебя там на крыше много картин? — спросил он.

— Несколько тысяч. Ведь я сам рисую в свободное время. Я рисую маленьких петухов и птиц и другие красивые вещи. Я лучший в мире рисовальщик петухов, — сказал Карлсон и, сделав изящный разворот, приземлился на пол рядом с Малышом.

— Что ты говоришь! — удивился Малыш. — А нельзя ли мне подняться с тобой на крышу? Мне так хочется увидеть твой дом, твои паровые машины и твои картины!..

— Конечно, можно, — ответил Карлсон, — само собой разумеется. Ты будешь дорогим гостем… как-нибудь в другой раз.

— Поскорей бы! — воскликнул Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Я должен сначала прибрать у себя в доме. Но на это не уйдёт много времени. Ты ведь догадываешься, кто лучший в мире мастер скоростной уборки комнат?

— Наверно, ты, — робко сказал Малыш.

— «Наверно»! — возмутился Карлсон. — Ты ещё говоришь «наверно»! Как ты можешь сомневаться! Карлсон, который живёт на крыше, — лучший в мире мастер скоростной уборки комнат. Это всем известно.

Малыш не сомневался, что Карлсон во всём «лучший в мире». И уж наверняка он самый лучший в мире товарищ по играм. В этом Малыш убедился на собственном опыте... Правда, Кристер, и Гунилла тоже хорошие товарищи, но им далеко до Карлсона, который живёт на крыше! Кристер только и делает, что хвалится своей собакой Ёффой, и Малыш ему давно завидует.

«Если он завтра опять будет хвастаться Ёффой, я ему расскажу про Карлсона. Что стоит его Ёффа по сравнению с Карлсоном, который живёт на крыше! Так я ему и скажу».

И всё же ничего на свете Малыш так страстно не желал иметь, как собаку... Карлсон прервал размышления Малыша.

— Я бы не прочь сейчас слегка поразвлечься, — сказал он и с любопытством огляделся вокруг. — Тебе не купили новой паровой машины?

Малыш покачал головой. Он вспомнил о своей паровой машине и подумал: «Вот сейчас, когда Карлсон здесь, мама и папа смогут убедиться, что он в самом деле существует». А если Боссе и Бетан дома, то им он тоже покажет Карлсона.

— Хочешь пойти познакомиться с моими мамой и папой? — спросил Малыш.

— Конечно! С восторгом! — ответил Карлсон. — Им будет очень приятно меня увидеть — ведь я такой красивый и умный... — Карлсон с довольным видом прошёлся по комнате. — И в меру

упитанный, — добавил он. — Короче, мужчина в самом расцвете сил. Да, твоим родителям будет очень приятно со мной познакомиться.

По доносившемуся из кухни запаху жарящихся мясных тефтелей Малыш понял, что скоро будут обедать. Подумав, он решил свести Карлсона познакомиться со своими родными после обеда. Во-первых, никогда ничего хорошего не получается, когда маме мешают жарить тефтели. А кроме того, вдруг папа или мама вздумают завести с Карлсоном разговор о паровой машине или о пятнах на книжной полке... А такого разговора ни в коем случае нельзя допускать. Во время обеда Малыш постараётся втолковать и папе и маме, как надо относиться к лучшему в мире специалисту по паровым машинам. Вот когда они пообедают и всё поймут, Малыш пригласит всю семью к себе в комнату.

«Будьте добры, — скажет Малыш, — пойдёмте ко мне. У меня в гостях Карлсон, который живёт на крыше».

Как они изумятся! Как будет забавно глядеть на их лица!

Карлсон вдруг перестал расхаживать по комнате. Он замер на месте и стал принюхиваться, словно ищейка.

— Мясные тефтели, — сказал он. — Обожаю сочные вкусные тефтели!

Малыш смутился. Собственно говоря, на эти слова Карлсона надо было бы ответить только одно: «Если хочешь, останься и пообедай с нами». Но Малыш не решился произнести такую фразу. Невозможно привести Карлсона к обеду без предварительного объяснения с родителями. Вот Кристера и Гуниллу — это другое дело. С ними Малыш может примчаться в последнюю минуту, когда все остальные уже сидят за столом, и сказать: «Милая мама, дай, пожалуйста, Кристеру и Гунилле горохового супа и блинов». Но привести к обеду совершенно незнакомого маленького толстого человечка, который к тому же взорвал паровую машину и прожёг книжную полку, — нет, этого так просто сделать нельзя!

Но ведь Карлсон только что заявил, что обожает сочные вкусные мясные тефтели, — значит, надо во чтобы то ни стало угостить его тефтелями, а то он ещё обидится на Малыша и больше не захочет с

ним играть... Ах, как много теперь зависело от этих, вкусных мясных тефтелей!

— Подожди минутку, — сказал Малыш. — Я сбега на кухню за тефтелями.

Карлсон одобряюще кивнул головой.

— Неси скорей! — крикнул он вслед Малышу. — Одними картинами сыт не будешь!

Малыш примчался на кухню. Мама в клетчатом переднике стояла у плиты и жарила превосходные тефтели. Время от времени она встряхивала большую сковородку, и плотно уложенные маленькие мясные шарики подскакивали и переворачивались на другую сторону.

— А, это ты, Малыш? — сказала мама. — Скоро будем обедать.

— Мамочка, — произнёс Малыш самым вкрадчивым голосом, на который был только способен, — мамочка, положи, пожалуйста, несколько тефтелей на блюдце, и я отнесу их в свою комнату.

— Сейчас, сынок, мы сядем за стол, — ответил; мама.

— Я знаю, но всё равно мне очень нужно... После обеда я тебе объясню, в чём дело.

— Ну ладно, ладно, — сказала мама и положила на маленькую тарелочку шесть тефтелей. — На, возьми.

О, чудесные маленькие тефтели! Они пахли так восхитительно и были такие поджаристые, румяные — словом, такие, какими и должны быть хорошие мясные тефтели!

Малыш взял тарелку обеими руками и осторожно понёс её в свою комнату.

— Вот и я, Карлсон! — крикнул Малыш, открывая дверь.

Но Карлсон исчез. Малыш стоял с тарелкой посреди комнаты и оглядывался по сторонам. Никакого Карлсона не было. Это было так грустно, что у Малыша сразу же испортилось настроение.

— Он ушёл, — сказал вслух Малыш. — Он ушёл. Но вдруг...

— Пип! — донёсся до Малыша какой-то странный писк.

Малыш повернул голову. На кровати, рядом с подушкой, под одеялом, шевелился какой-то маленький комок и пищал:

— Пип! Пип!

А затем из-под одеяла выглянуло лукавое лицо Карлсона.

— Хи-хи! Ты сказал: «он ушёл», «он ушёл»... Хи-хи! А «он» вовсе не ушёл — «он» только спрятался!.. — пропищал Карлсон.

Но тут он увидел в руках Малыша тарелочку и мигом нажал кнопку на животе. Мотор загудел, Карлсон стремительно спикировал с кровати прямо к тарелке с тефтелями. Он на лету схватил тефтельку, потом взвился к потолку и, сделав небольшой круг под лампой, с довольным видом принялся жевать.

— Восхитительные тефтельки! — воскликнул Карлсон. — На редкость вкусные тефтельки! Можно подумать, что их делал лучший в мире специалист по тефтелям!.. Но ты, конечно, знаешь, что это не так, — добавил он.

Карлсон снова спикировал к тарелке и взял ещё одну тефтельку.

В этот момент из кухни послышался мамин голос:

— Малыш, мы садимся обедать, быстро мой руки!

— Мне надо идти, — сказал Малыш Карлсону и поставил тарелочку на пол. — Но я очень скоро вернусь. Обещай, что ты меня дождёшься.

— Хорошо, дождусь, — сказал Карлсон. — Но что мне здесь делать без тебя? — Карлсон спланировал на пол и приземлился возле

Малыша. — Пока тебя не будет, я хочу заняться чем-нибудь интересным. У тебя правда нет больше паровых машин?

— Нет, — ответил Малыш. — Машин нет, но есть кубики.

— Покажи, — сказал Карлсон. Малыш достал из шкафа, где лежали игрушки, ящик со строительным набором. Это был и в самом деле великолепный строительный материал — разноцветные детали различной формы. Их можно было соединять друг с другом и строить всевозможные вещи.

— Вот, играй, — сказал Малыш. — Из этого набора можно сделать и автомобиль, и подъёмный кран, и всё, что хочешь...

— Неужели лучший в мире строитель не знает, — прервал Малыша Карлсон, — что можно построить из этого строительного материала!

Карлсон сунул себе в рот ещё одну тефтельку и кинулся к ящику с кубиками.

— Сейчас ты увидишь, — проговорил он и вывалил все кубики на пол. — Сейчас ты увидишь...

Но Малышу надо было идти обедать. Как охотно он остался бы здесь понаблюдать за работой лучшего в мире строителя! С порога он ещё раз оглянулся на Карлсона и увидел, что тот уже сидит на полу возле горы кубиков и радостно напевает себе под нос:

Ура, ура, ура!

Прекрасная игра!

Красив я и умён,

И ловок, и силён!

Люблю играть, люблю... жевать.

Последние слова он пропел, проглотив четвёртую тефтельку.

Когда Малыш вошёл в столовую, мама, папа, Боссе и Бетан уже сидели за столом. Малыш шмыгнул на своё место и повязал вокруг шеи салфетку.

— Обещай мне одну вещь, мама. И ты, папа тоже — сказал он.

— Что же мы должны тебе обещать? — спросила мама.

— Нет, ты раньше обещай!

Папа был против того, чтобы обещать вслепую.

— А вдруг ты опять попросишь собаку? — сказал папа.

— Нет, не собаку, — ответил Малыш. — А, кстати, собаку ты мне тоже можешь обещать, если хочешь!.. Нет, это совсем другое и нисколечко не опасное. Обещайте, что вы обещаете!

— Ну ладно, ладно, — сказала мама.

— Значит, вы обещали, — радостно подхватил Малыш, — ничего не говорить насчёт паровой машины Карлсону, который живёт на крыше...

— Интересно, — сказала Бетан, — как они могут что-нибудь сказать или не сказать Карлсону о паровой машине, раз они никогда с ним не встречаются?

— Нет, встречаются, — спокойно ответил Малыш, — потому что Карлсон сидит в моей комнате!

— Ой, я сейчас подавлюсь! — воскликнул Боссе. — Карлсон сидит в твоей комнате?

— Да, представь себе, сидит! — И Малыш с торжествующим видом поглядел по сторонам.

Только бы они поскорее пообедали, и тогда они увидят...

— Нам было бы очень приятно познакомиться с Карлсоном, — сказала мама.

— Карлсон тоже так думает! — ответил Малыш.

Наконец доели компот. Мама поднялась из-за стола. Настал решающий миг.

— Пойдёмте все, — предложил Малыш.

— Тебе не придётся нас упрашивать, — сказала Бетан.

— Я не успокоюсь, пока не увижу этого самого Карлсона.

Малыш шёл впереди.

— Только исполните, что обещали, — сказал он, подойдя к двери своей комнаты. — Ни слова о паровой машине!

Затем он нажал дверную ручку и открыл дверь. Карлсона в комнате не было. На этот раз по-настоящему не было. Нигде. Даже в постели Малыша не шевелился маленький комок.

Зато на полу возвышалась башня из кубиков. Очень высокая башня. И хотя Карлсон мог бы, конечно, построить из кубиков подъёмные краны и любые другие вещи, на этот раз он простоставил один кубик на другой, так что, в конце концов, получилась длинная-предлинная, узкая башня, которая сверху была увенчана чем-то, что явно должно было изображать купол: на самом верхнем кубике лежала маленькая круглая мясная тефтелька.

Да, это была для Малыша очень тяжёлая минута. Маме, конечно, не понравилось, что её тефтелями украшают башни из кубиков, и она не сомневалась, что это была работа Малыша.

— Карлсон, который живёт на крыше... — начал было Малыш, но папа строго прервал его:

— Вот что, Малыш: мы больше не хотим слушать твои выдумки про Карлсона!

Боссе и Бетан рассмеялись.

— Ну и хитрец же этот Карлсон! — сказала Бетан. — Он скрывается как раз в ту минуту, когда мы приходим.

Огорчённый Малыш съел холодную тефтельку и собрал свои кубики. Говорить о Карлсоне сейчас явно не стоило.

Но как нехорошо поступил с ним Карлсон, как нехорошо!

— А теперь мы пойдём пить кофе и забудем про Карлсона, — сказал папа и в утешение потрепал Малыша по щеке.

Кофе пили всегда в столовой у камина. Так было и сегодня вечером, хотя на дворе стояла тёплая, ясная весенняя погода и липы на улице уже оделись маленькими клейкими зелёными листочками. Малыш не любил кофе, но зато очень любил сидеть вот так с мамой, и папой, и Боссе, и Бетан перед огнём, горящим в камине...

— Мама, отвернись на минутку, — попросил Малыш, когда мама поставила на маленький столик перед камином поднос с кофейником.

— Зачем?

— Ты же не можешь видеть, как я грызу сахар, а я сейчас возьму кусок, — сказал Малыш.

Малышу надо было чем-то утешиться. Он был очень огорчён, что Карлсон удral. Ведь действительно нехорошо так поступать — вдруг исчезнуть, ничего не оставив, кроме башни из кубиков, да ещё с мясной тефтелькой наверху!

Малыш сидел на своём любимом месте у камина — так близко к огню, как только возможно.

Вот эти минуты, когда вся семья после обеда пила кофе, были, пожалуй, самыми приятными за весь день. Тут можно было спокойно поговорить с папой и с мамой, и они терпеливо выслушивали Малыша, что не всегда случалось в другое время. Забавно было следить за тем, как Боссе и Бетан подтрунивали друг над другом и болтали о «зубрёжке». «Зубрёжкой», должно быть, назывался другой, более сложный способ приготовления уроков,

чем тот, которому учили Малыша в начальной школе. Малышу тоже очень хотелось рассказать о своих школьных делах, но никто, кроме мамы и папы, этим не интересовался. Боссе и Бетан только смеялись над его рассказами, и Малыш замолкал — он боялся говорить то, над чем так обидно смеются. Впрочем, Боссе и Бетан старались не дразнить Малыша, потому что он им отвечал тем же. А дразнить Малыш умел прекрасно, — да и как может быть иначе, когда у тебя такой брат, как Боссе, и такая сестра, как Бетан!

— Ну, Малыш, — спросила мама, — ты уже выучил уроки?

Нельзя сказать, чтобы такие вопросы были Малышу по душе, но раз уж мама так спокойно отнеслась к тому, что он съел кусок сахара, то и Малыш решил мужественно выдержать этот неприятный разговор.

— Конечно, выучил, — хмуро ответил он.

Всё это время Малыш думал только о Карлсоне. И как это люди не понимают, что пока он не узнает, куда исчез Карлсон, ему не до уроков!

— А что вам задали? — спросил папа.

Малыш окончательно рассердился. Видно, этим разговорам сегодня конца не будет. Ведь не затем же они так уютно сидят сейчас у огня, чтобы только и делать, что говорить об уроках!

— Нам задали алфавит, — торопливо ответил он, — целый длиннющий алфавит. И я его знаю: сперва идёт «А», а потом все остальные буквы.

Он взял ещё кусок сахара и снова принялся думать о Карлсоне. Пусть себе болтают о чём хотят, а он будет думать только о Карлсоне.

От этих мыслей его оторвала Бетан:

— Ты что, не слышишь, Малыш? Хочешь заработать двадцать пять эре?

Малыш не сразу понял, что она ему говорит. Конечно, он был не прочь заработать двадцать пять эре. Но всё зависело от того, что для этого надо сделать.

— Двадцать пять эре — это слишком мало, — твёрдо сказал он. — Сейчас ведь такая дороговизна… Как ты думаешь, сколько стоит, например, пятидесятиэровый стаканчик мороженого?

— Я думаю, пятьдесят эре, — хитро улыбнулась Бетан.

— Вот именно, — сказал Малыш. — И ты сама прекрасно понимаешь, что двадцать пять эре — это очень мало.

— Да ты ведь даже не знаешь, о чём идёт речь, — сказала Бетан. — Тебе ничего не придётся делать. Тебе нужно будет только кое-чего не делать.

— А что я должен буду не делать?

— Ты должен будешь в течение всего вечера не переступать порога столовой.

— Понимаешь, придёт Пелле, новое увлечение Бетан, — сказал Боссе.

Малыш кивнул. Ну ясно, ловко они всё рассчитали: мама с папой пойдут в кино, Боссе — на футбольный матч, а Бетан со своим Пелле проворкуют весь вечер в столовой. И лишь он, Малыш, будет изгнан в свою комнату, да ещё за такое ничтожное вознаграждение, как двадцать пять эре… Вот как к нему относятся в семье!

— А какие уши у твоего нового увлечения? Он что, такой же лопоухий, как и тот, прежний?

Это было сказано специально для того, чтобы позлить Бетан.

— Вот, слышишь, мама? — сказала она. — Теперь ты сама понимаешь, почему мне нужно убрать отсюда Малыша. Кто бы ко мне ни пришёл — он всех отпугивает!

— Он больше не будет так делать, — неуверенно сказала мама; она не любила, когда её дети ссорились.

— Нет, будет, наверняка будет! — стояла на своём Бетан. — Ты что, не помнишь, как он выгнал Клааса? Он уставился на него и сказал: «Нет, Бетан, такие уши одобрить невозможно». Ясно, что после этого Клаас и носа сюда не кажет.

— Спокойствие, только спокойствие! — проговорил Малыш тем же тоном, что и Карлсон. — Я останусь в своей комнате, и притом совершенно бесплатно. Если вы не хотите меня видеть, то и ваших денег мне не нужно.

— Хорошо, — сказала Бетан. — Тогда поклянись, что я не увижу тебя здесь в течение всего вечера.

— Клянусь! — сказал Малыш. — И поверь, что мне вовсе не нужны все твои Пелле. Я сам готов заплатить двадцать пять эре, только бы их не видеть.

И вот мама с папой отправились в кино, а Боссе умчался на стадион. Малыш сидел в своей комнате, и притом совершенно бесплатно. Когда он приоткрывал дверь, до него доносилось невнятное бормотание из столовой — там Бетан болтала со своим Пелле. Малыш постарался уловить, о чём они говорят, но это ему не удалось. Тогда он подошёл к окну и стал вглядываться в сумерки. Потом посмотрел вниз, на улицу, не играют ли там Кристер и Гунилла. У подъезда возились мальчишки, кроме них, на улице никого не было. Пока они дрались, Малыш с интересом следил за ними, но, к сожалению, драка быстро кончилась, и ему опять стало очень скучно.

И тогда он услышал божественный звук. Он услышал, как жужжит моторчик, и минуту спустя, Карлсон влетел в окно.

— Привет, Малыш! — беззаботно произнёс он.

— Привет, Карлсон! Откуда ты взялся?

— Что?.. Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Да ведь ты исчез и как раз в тот момент, когда я собирался тебя познакомить с моими мамой и папой. Почему ты удрал?

Карлсон явно рассердился. Он подбоченился и воскликнул:

— Нет, в жизни не слыхал ничего подобного! Может быть, я уже не имею права взглянуть, что делается у меня дома? Хозяин обязан следить за своим домом. Чем я виноват, что твои мама и папа решили познакомиться со мной как раз в тот момент, когда я должен был заняться своим домом? Карлсон оглядел комнату.

— А где моя башня? Кто разрушил мою прекрасную башню и где моя тефтелька? Малыш смущался.

— Я не думал, что ты вернёшься, — сказал он.

— Ах, так! — закричал Карлсон. — Лучший в мире строитель воздвигает башню, и что же происходит? Кто ставит вокруг неё ограду? Кто следит за тем, чтобы она осталась стоять во веки веков? Никто! Совсем наоборот: башню ломают, уничтожают да к тому же ещё и съедают чужую тефтельку!

Карлсон отошёл в сторону, присел на низенькую скамеечку и надулся.

— Пустяки, — сказал Малыш, — дело житейское! — И он махнул рукой точно так же, как это делал Карлсон. — Есть из-за чего расстраиваться!..

— Тебе хорошо рассуждать! — сердито пробурчал Карлсон. — Сломать легче всего. Сломать и сказать, что это, мол, дело житейское и не из-за чего расстраиваться. А каково мне, строителю, который воздвиг башню вот этими бедными маленькими руками! И Карлсон ткнул свои пухленькие ручки прямо в нос Малышу. Потом он снова сел на скамеечку и надулся пуще прежнего.

— Я просто вне себя, — проворчал он, — ну просто выхожу из себя!

Малыш совершенно растерялся. Он стоял, не зная, что предпринять. Молчание длилось долго.

В конце концов, Карлсон сказал грустным голосом:

— Если я получу какой-нибудь небольшой подарок, то, быть может, опять повеселею. Правда, ручаться я не могу, но, возможно, всё же повеселею, если мне что-нибудь подарят...

Малыш подбежал к столу и начал рыться в ящике, где у него хранились самые драгоценные вещи: коллекция марок, разноцветные морские камешки, цветные мелки и оловянные солдатики.

Там же лежал и маленький электрический фонарик. Малыш им очень дорожил.

— Может быть, тебе подарить вот это? — сказал он.

Карлсон метнул быстрый взгляд на фонарик и оживился:

— Вот-вот, что-то в этом роде мне и нужно, чтобы у меня исправилось настроение. Конечно, моя башня была куда лучше, но, если ты мне дашь этот фонарик, я постараюсь хоть немножко повеселеть.

— Он твой, — сказал Малыш.

— А он зажигается? — с сомнением спросил Карлсон, нажимая кнопку. — Ура! Горит! — вскричал он, и глаза его тоже загорелись. — Подумай только когда тёмными осенними вечерами мне придётся идти к своему маленькому домику, я зажгу этот фонарик. Теперь я узко не буду блуждать в потёмках среди труб, — сказал Карлсон и погладил фонарик.

Эти слова доставили Малышу большую радость, и он мечтал только об одном — хоть раз погулять с Карлсоном по крышам и поглядеть, как этот фонарик будет освещать им путь в темноте.

— Ну, Малыш, вот я и снова весел! Зови своих маму и папу, и мы познакомимся.

— Они ушли в кино, — сказал Малыш.

— Пошли в кино, вместо того чтобы встретиться со мной? — изумился Карлсон.

— Да, все ушли. Дома только Бетан и её новое увлечение. Они сидят в столовой, но мне туда нельзя заходить.

— Что я слышу! — воскликнул Карлсон. — Ты не можешь пойти куда хочешь? Ну, этого мы не потерпим. Вперёд!..

— Но ведь я поклялся... — начал было Малыш.

— А я поклялся, — перебил его Карлсон, — что если замечу какую-нибудь несправедливость, то в тот же миг, как ястреб, кинусь на неё... Он подошёл и похлопал Малыша по плечу: — Что же ты обещал?

— Я обещал, что меня весь вечер не увидят в столовой.

— Тебя никто и не увидит, — сказал Карлсон. — А ведь тебе небось хочется посмотреть на новое увлечение Бетан?

— По правде говоря, очень! — с жаром ответил Малыш. — Прежде она дружила с мальчиком, у которого уши были оттопырены. Мне ужасно хочется поглядеть, какие уши у этого.

— Да и я бы охотно поглядел на его уши, — сказал Карлсон. — Подожди минутку! Я сейчас придумаю какую-нибудь штуку. Лучший в мире мастер на всевозможные проказы — это Карлсон, который живёт на крыше. — Карлсон внимательно огляделся по сторонам. — Вот то, что нам нужно! — воскликнул он, указав головой на одеяло. — Именно одеяло нам и нужно. Я не сомневался, что придумаю какую-нибудь штуку...

— Что же ты придумал? — спросил Малыш.

— Ты поклялся, что тебя весь вечер не увидят в столовой? Так? Но, если ты накроешься одеялом, тебя ведь никто и не увидит.

— Да... но... — попытался возразить Малыш.

— Никаких «но»! — резко оборвал его Карлсон. — Если ты будешь накрыт одеялом, увидят одеяло, а не тебя. Я тоже буду накрыт одеялом, поэтому и меня не увидят. Конечно, для Бетан нет худшего наказания. Но поделом ей, раз она такая глупая… Бедная, бедная малютка Бетан, так она меня и не увидит!

Карлсон стащил с кровати одеяло и накинул его себе на голову.

— Иди сюда, иди скорей ко мне, — позвал он Малыша. — Войди в мою палатку.

Малыш юркнул под одеяло к Карлсону, и они оба радостно захихикали.

— Ведь Бетан ничего не говорила о том, что она не хочет видеть в столовой палатку. Все люди радуются, когда видят палатку. Да ещё такую, в которой горит огонёк! — И Карлсон зажёг фонарик.

Малыш не был уверен, что Бетан уж очень обрадуется, увидев палатку. Но зато стоять рядом с Карлсоном в темноте под одеялом и светить фонариком было так здорово, так интересно, что просто дух захватывало.

Малыш считал, что можно с тем же успехом играть в палатку в его комнате, оставив в покое Бетан, но Карлсон никак не соглашался.

— Я не могу мириться с несправедливостью, — сказал он. — Мы пойдём в столовую, чего бы это ни стоило!

И вот палатка начала двигаться к двери. Малыш шёл вслед за Карлсоном. Из-под одеяла показалась маленькая пухлая ручка и тихонько отворила дверь. Палатка вышла в прихожую, отделённую от столовой плотной занавесью.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал Карлсон.

Палатка неслышно пересекла прихожую и остановилась у занавеси. Бормотание Бетан и Пелле слышалось теперь явственнее, но всё же слов нельзя было разобрать. Лампа в столовой не горела. Бетан и Пелле сумерничали — видимо, им было достаточно света, который проникал через окно с улицы.

— Это хорошо, — прошептал Карлсон. — Свет моего фонарика в потёмках покажется ещё ярче. Но пока он на всякий случай погасил фонарик. — Мы появимся, как радостный, долгожданный сюрприз... — И Карлсон хихикнул под одеялом.

Тихо-тихо палатка раздвинула занавесь и вошла в столовую. Бетан и Пелле сидели на маленьком диванчике у противоположной стены. Тихо-тихо приближалась к ним палатка.

— Я тебя сейчас поцелую, Бетан, — услышал Малыш хриплый мальчишечий голос.

Какой он чудной, этот Пелле!

— Ладно, — сказала Бетан, и снова наступила тишина.

Тёмное пятно палатки бесшумно скользило по полу; медленно и неумолимо надвигалось оно на диван. До дивана оставалось всего несколько шагов, но Бетан и Пелле ничего не замечали. Они сидели молча.

— А теперь ты меня поцелуй, Бетан, — послышался робкий голос Пелле.

Ответа так и не последовало, потому что в этот момент вспыхнул яркий свет фонарика, который разогнал серые сумеречные тени и ударил Пелле в лицо. Пелле вскочил, Бетан вскрикнула. Но тут раздался взрыв хохота и топот ног, стремительно удаляющихся по направлению к прихожей.

Ослеплённые ярким светом, Бетан и Пелле не могли ничего увидеть, зато они услышали смех, дикий, восторженный смех, который доносился из-за занавеси.

— Это мой несносный маленький братишко, — объяснила Бетан. — Ну, сейчас я ему задам!

Малыш надрывался от хохота.

— Конечно, она тебя поцелует! — крикнул он — Почему бы ей тебя не поцеловать? Бетан всех целует, это уж точно.

Потом раздался грохот, сопровождаемый новым взрывом смеха.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал Карлсон, когда во время своего стремительного бегства они вдруг споткнулись и упали на пол.

Малыш старался быть как можно более спокойным, хотя смех так и клокотал в нём: Карлсон свалился прямо на него, и Малыш уже не разбирал, где его ноги, а где ноги Карлсона. Бетан могла их вот-вот настичь, поэтому они поползли на четвереньках. В панике ворвались они в комнату Малыша как раз в тот момент, когда Бетан уже норовила их схватить.

— Спокойствие, только спокойствие! — шептал под одеялом Карлсон, и его коротенькие ножки стучали по полу, словно барабанные палочки. — Лучший в мире бегун — это Карлсон, который живёт на крыше! — добавил он, едва переводя дух.

Малыш тоже умел очень быстро бегать, и, право, сейчас это было необходимо. Они спаслись, захлопнув дверь перед самым носом Бетан. Карлсон торопливо повернул ключ и весело засмеялся, в то время как Бетан изо всех сил колотила в дверь.

— Подожди, Малыш, я ещё доберусь до тебя! — сердито крикнула она.

— Во всяком случае, меня никто не видел! — ответил Малыш из-за двери, и до Бетан снова донёсся смех.

Если бы Бетан не так сердилась, она бы услышала, что смеются двое.

Однажды Малыш вернулся из школы злой, с шишкой на лбу. Мама хлопотала на кухне. Увидев шишку, она, как и следовало ожидать, огорчилась.

— Бедный Малыш, что это у тебя на лбу? — спросила мама и обняла его.

— Кристер швырнул в меня камнем, — хмуро ответил Малыш.

— Камнем? Какой противный мальчишка! — воскликнула мама. — Что же ты сразу мне не сказал? Малыш пожал плечами:

— Что толку? Ведь ты не умеешь кидаться камнями. Ты даже не сможешь попасть камнем в стену сарая.

— Ах ты глупыш! Неужели ты думаешь, что я стану бросать камни в Кристера?

— А чем же ещё ты хочешь в него бросить? Ничего другого тебе не найти, во всяком случае, ничего более подходящего, чем камень.

Мама вздохнула. Было ясно, что не один Кристер при случае швыряется камнями. Её любимец был ничуть не лучше. Как это получается, что маленький мальчик с такими добрыми голубыми глазами — драчун?

— Скажи, а нельзя ли, вообще, обойтись без драки? Мирно можно договориться о чём угодно. Знаешь, Малыш, ведь, собственно говоря, на свете нет такой вещи, о которой нельзя было бы договориться, если всё как следует обсудить.

— Нет, мама, такие вещи есть. Вот, например, вчера я как раз тоже дрался с Кристером...

— И совершенно напрасно, — сказала мама. — Вы прекрасно могли бы разрешить ваш спор словами а не кулаками.

Малыш присел к кухонному столу и обхватил руками свою разбитую голову.

— Да? Ты так думаешь? — спросил он и неодобрительно взглянул на маму. — Кристер мне сказал: «Я могу тебя отлупить». Так он и сказал. А я ему ответил: «Нет, не можешь». Ну скажи, могли ли мы разрешить наш спор, как ты говоришь, словами?

Мама не нашлась что ответить, и ей пришлось оборвать свою умиротворяющую проповедь. Её драчун сын сидел совсем мрачный, и она поспешила поставить перед ним чашку горячего шоколада и свежие плюшки.

Всё это Малыш очень любил. Ещё на лестнице он уловил сладостный запах только что испечённой сдобы. А от маминых восхитительных плюшек с корицей жизнь делалась куда более терпимой.

Преисполненный благодарности, он откусил кусочек. Пока он жевал, мама залепила ему пластирем шишку на лбу. Затем она тихонько поцеловала больное место и спросила:

— А что вы не поделили с Кристером сегодня?

— Кристер и Гунилла говорят, что я всё сочинил про Карлсона, который живёт на крыше. Они говорят, что это выдумка.

— А разве это не так? — осторожно спросила мама.

Малыш оторвал глаза от чашки с шоколадом и гневно посмотрел на маму.

— Даже ты не веришь тому, что я говорю! — сказал он. — Я спросил у Карлсона, не выдумка ли он...

— Ну и что же он тебе ответил? — поинтересовалась мама.

— Он сказал, что, если бы он был выдумкой, это была бы самая лучшая выдумка на свете. Но дело в том, что он не выдумка. — И Малыш взял ещё одну булочку. — Карлсон считает, что, наоборот, Кристер и Гунилла — выдумка. «На редкость глупая выдумка», — говорит он. И я тоже так думаю.

Мама ничего не ответила — она понимала, что бессмысленно разуверять Малыша в его фантазиях.

— Я думаю, — сказала она, наконец, — что тебе лучше побольше играть с Гуниллой и Кристером и поменьше думать о Карлсоне.

— Карлсон, по крайней мере, не швыряет в меня камнями, — проворчал Малыш и потрогал шишку на лбу. Вдруг он что-то вспомнил и радостно улыбнулся маме. — Да, я чуть было не забыл, что сегодня впервые увижу домик Карлсона!

Но он тут же раскаялся, что сказал это. Как глупо говорить с мамой о таких вещах!

Однако эти слова Малыша не показались маме более опасными и тревожными, чем всё остальное, что он обычно рассказывал о Карлсоне, и она беззаботно сказала:

— Ну что ж, это, вероятно, будет очень забавно.

Но вряд ли мама была бы так спокойна, если бы поняла до конца, что? именно сказал ей Малыш. Ведь подумать только, где жил Карлсон!

Малыш встал из-за стола сытый, весёлый и вполне довольный жизнью. Шишка на лбу уже не болела, во рту был изумительный вкус плюшек с корицей, через кухонное окно светило солнце, и мама выглядела такой милой в своём клетчатом переднике.

Малыш подошёл к ней, чмокнул её полную руку и сказал:

— Как я люблю тебя, мамочка!

— Я очень рада, — сказала мама.

— Да… Я люблю тебя, потому что ты такая милая.

Затем Малыш пошёл к себе в комнату и стал ждать Карлсона. Они должны были сегодня вместе отправиться на крышу, и, если бы Карлсон был только выдумкой, как уверяет Кристер вряд ли Малыш смог бы туда попасть.

«Я прилечу за тобой приблизительно часа в три, или в четыре, или в пять, но ни в коем случае не раньше шести», — сказал ему Карлсон.

Малыш так толком и не понял, когда же, собственно, Карлсон намеревается прилететь, и переспросил его.

«Уж никак не позже семи, но едва ли раньше восьми… Ожидай меня примерно к девяти, после того как пробьют часы».

Малыш ждал чуть ли не целую вечность, и в конце концов ему начало казаться, что Карлсона и в самом деле не существует. И когда Малыш уже был готов поверить, что Карлсон — всего лишь выдумка, послышалось знакомое жужжение, и в комнату влетел Карлсон, весёлый и бодрый.

— Я тебя совсем заждался, — сказал Малыш. — В котором часу ты обещал прийти?

— Я сказал приблизительно, — ответил Карлсон. — Так оно и вышло: я пришёл приблизительно.

Он направился к аквариуму Малыша, в котором кружились пёстрые рыбки, окунул лицо в воду и стал пить большими глотками.

— Осторожно! Мои рыбки! — крикнул Малыш; он испугался, что Карлсон нечаянно проглотит несколько рыбок.

— Когда у человека жар, ему надо много пить, — сказал Карлсон. — И если он даже проглотит две — три или там четыре рыбки, это пустяки, дело житейское.

— У тебя жар? — спросил Малыш.

— Ещё бы! Потрогай. — И он положил руку Малыша на свой лоб.

Но Малышу его лоб не показался горячим.

— Какая у тебя температура? — спросил он.

— Тридцать — сорок градусов, не меньше!

Малыш недавно болел корью и хорошо знал, что значит высокая температура. Он с сомнением покачал головой:

— Нет, по-моему, ты не болен.

— Ух, какой ты гадкий! — закричал Карлсон и топнул ногой. — Что, я уж и захворать не могу, как все люди?

— Ты хочешь заболеть?! — изумился Малыш.

— Конечно. Все люди этого хотят! Я хочу лежать в постели с высокой — превысокой температурой. Ты придёшь узнать, как я себя чувствую, и я тебе скажу, что я самый тяжёлый больной в мире. И ты меня спросишь, не хочу ли я чего-нибудь, и я тебе отвечу, что мне ничего не нужно. Ничего, кроме огромного торта, нескольких коробок печенья, горы шоколада и большого-пребольшого куля конфет!

Карлсон с надеждой посмотрел на Малыша, но тот стоял совершенно растерянный, не зная, где он сможет достать всё, чего хочет Карлсон.

— Ты должен стать мне родной матерью, — продолжал Карлсон. — Ты будешь меня уговаривать выпить горькое лекарство и обещаешь мне за это пять эре. Ты обернёшь мне горло тёплым шарфом. Я скажу, что он кусается, и только за пять эре соглашусь лежать с замотанной шеей.

Малышу очень захотелось стать Карлсону родной матерью, а это значило, что ему придётся опустошить свою копилку. Она стояла на книжной полке, прекрасная и тяжёлая. Малыш сбежал на кухню за ножом и с его помощью начал доставать из копилки пятиэровые монетки. Карлсон помогал ему с необычайным усердием и ликовал по поводу каждой монеты, которая выкатывалась на стол. Попадались монеты в десять и двадцать пять эре, но Карлсона больше всего радовали пятиэровые монетки.

Малыш помчался в соседнюю лавочку и купил на все деньги леденцов, засахаренных орешков и шоколаду. Когда он отдал продавцу весь свой капитал, то вдруг вспомнил, что копил эти деньги на собаку, и тяжело вздохнул. Но он тут же подумал, что тот, кто решил стать Карлсону родной матерью, не может позволить себе роскошь иметь собаку.

Вернувшись домой с карманами, набитыми сластями, Малыш увидел, что в столовой вся семья — и мама, и папа, и Бетан, и Боссе — пьёт послеобеденный кофе. Но у Малыша не было времени посидеть с ними. На мгновение ему в голову пришла мысль пригласить их всех к себе в комнату, чтобы познакомить, наконец, с Карлсоном. Однако, хорошенько подумав, он решил, что сегодня этого делать не стоит, — ведь они могут помешать ему отправиться с Карлсоном на крышу. Лучше отложить знакомство до другого раза.

Малыш взял из вазочки несколько миндальных печений в форме ракушек — ведь Карлсон сказал, что печенья ему тоже хочется, — и отправился к себе.

— Ты заставляешь меня так долго ждать! Меня, такого больного и несчастного, — с упрёком сказал Карлсон.

— Я торопился как только мог, — оправдывался Малыш, — и столько всего накупил...

— И у тебя не осталось ни одной монетки? Я ведь должен получить пять эре за то, что меня будет кусать шарф! — испуганно перебил его Карлсон.

Малыш успокоил его, сказав, что приберёг несколько монет.

Глаза Карлсона засияли, и он запрыгал на месте от удовольствия.

— О, я самый тяжёлый в мире больной! — закричал он. — Нам надо поскорее уложить меня в постель.

И тут Малыш впервые подумал: как же он попадёт на крышу, раз он не умеет летать?

— Спокойствие, только спокойствие! — бодро ответил Карлсон. — Я посажу тебя на спину, и — раз, два, три! — мы полетим ко мне. Но будь осторожен, следи, чтобы пальцы не попали в пропеллер.

— Ты думаешь, у тебя хватит сил долететь со мной до крыши?

— Там видно будет, — сказал Карлсон. — Трудно, конечно, предположить, что я, такой больной и несчастный, смогу пролететь с тобой и половину пути. Но выход из положения всегда найдётся: если почувствую, что выбиваюсь из сил, я тебя сброшу...

Малыш не считал, что сбросить его вниз — наилучший выход из положения, и вид у него стал озабоченный.

— Но, пожалуй, всё обойдётся благополучно. Лишь бы мотор не отказал.

— А вдруг откажет? Ведь тогда мы упадём! — сказал Малыш.

— Безусловно упадём, — подтвердил Карлсон. — Но это пустяки, дело житейское! — добавил он и махнул рукой.

Малыш подумал и тоже решил, что это пустяки, дело житейское.

Он написал на клочке бумаги записку маме и папе и оставил её на столе:

Я на вирху у Калсона который живёт на крыше

Конечно, лучше всего было бы успеть вернуться домой, прежде чем они найдут эту записку. Но если его случайно хватят раньше, то пусть знают, где он находится. А то может получиться так, как уже было однажды, когда Малыш гостил за городом у бабушки и вдруг решил сесть в поезд и вернуться домой. Тогда мама плакала и говорила ему:

«Уж если тебе, Малыш, так захотелось поехать на поезде, почему ты мне не сказал об этом?»

«Потому что я хотел ехать один», — ответ Малыш.

Вот и теперь то же самое. Он хочет отправиться с Карлсоном на крышу, поэтому лучше всего не просить разрешения. А если обнаружится, что его нет дома, он сможет оправдаться тем, что написал записку.

Карлсон был готов к полёту. Он нажал кнопку на животе, и мотор загудел.

— Залезай скорее мне на плечи, — крикнул Карлсон, — мы сейчас взлетим!

И правда, они вылетели из окна и набрали высоту. Сперва Карлсон сделал небольшой круг над ближайшей крышей, чтобы испытать мотор. Мотор таращел так ровно и надёжно, что Малыш ни капельки не боялся.

Наконец Карлсон приземлился на своей крыше.

— А теперь поглядим, сможешь ли ты найти мой дом. Я тебе не скажу, за какой трубой он находится. Отыщи его сам.

Малышу никогда не случалось бывать на крыше, но он не раз видел, как какой-то мужчина, привязав себя верёвкой к трубе, счищал с крыши снег. Малыш всегда завидовал ему, а теперь он сам был таким счастливцем, хотя, конечно, не был обвязан верёвкой и внутри у него что-то сжималось, когда он переходил от одной трубы к другой. И вдруг за одной из них он действительно увидел домик. Очень симпатичный домик с зелёными ставенками и маленьkim крылечком. Малышу захотелось как можно скорее войти в этот домик и своими глазами увидеть все паровые машины и все картины с изображением петухов, да и, вообще, всё, что там находилось.

К дому было прибита табличка, чтобы все знали, кто в нём живёт. Малыш прочёл:

Карлсон, который живёт на крыше.

Карлсон распахнул настежь дверь и с криком: «Добро пожаловать, дорогой Карлсон, и ты, Малыш, тоже!» — первым вбежал в дом.

— Мне нужно немедленно лечь в постель, потому что я самый тяжёлый больной в мире! — воскликнул он и бросился на красный деревянный диванчик, который стоял у стены.

Малыш вбежал вслед за ним; он готов был лопнуть от любопытства.

В домике Карлсона было очень уютно — это Малыш сразу заметил. Кроме деревянного диванчика, в комнате стоял верстак, служивший также и столом, шкаф, два стула и камин с железной решёткой и таганком. На нём Карлсон готовил пищу. Но паровых машин видно не было. Малыш долго оглядывал комнату, но не мог их нигде обнаружить и, наконец, не выдержав, спросил:

— А где же твои паровые машины?

— Гм... — промычал Карлсон, — мои паровые машины... Они все вдруг взорвались. Виноваты предохранительные клапаны. Только клапаны, ничто другое. Но это пустяки, дело житейское, и огорчаться нечего.

Малыш вновь огляделся по сторонам.

— Ну, а где твои картины с петухами? Они что, тоже взорвались? — язвительно спросил он Карлсона.

— Нет, они не взорвались, — ответил Карлсон. — Вот, гляди. — И он указал на пришпиленный к стене возле шкафа лист картона.

На большом, совершенно чистом листе в нижнем углу был нарисован крохотный красный петушок.

— Картина называется: «Очень одинокий петух», — объяснил Карлсон.

Малыш посмотрел на этого крошечного петушка. А ведь Карлсон говорил о тысячах картин, на которых изображены всевозможные петухи, и всё это, оказывается, свелось к одной красненькой петухообразной козявке!

— Этот «Очень одинокий петух» создан лучшим в мире рисовальщиком петухов, — продолжал Карлсон, и голос его дрогнул.
— Ах, до чего эта картина прекрасна и печальна!.. Но нет, я не стану сейчас плакать, потому что от слёз поднимается температура... — Карлсон откинулся на подушку и схватился за голову. — Ты собирался стать мне родной матерью, ну так действуй, — простонал он.

Малыш толком не знал, с чего ему следует начать, и неуверенно спросил:

— У тебя есть какое-нибудь лекарство?

— Да, но я не хочу его принимать... А пятиэровая монетка у тебя есть?

Малыш вынул монетку из кармана штанов.

— Дай сюда.

Малыш протянул ему монетку. Карлсон быстро схватил её и зажал в кулаке; вид у него был хитрый и довольный.

— Сказать тебе, какое лекарство я бы сейчас принял?

— Какое? — поинтересовался Малыш.

— «Приторный порошок» по рецепту Карлсона, который живёт на крыше. Ты возьмёшь немного шоколаду, немного конфет, добавишь такую же порцию печенья, всё это истолчёшь и хорошенко перемешаешь. Как только ты приготовишь лекарство, я приму его. Это очень помогает от жара.

— Сомневаюсь, — заметил Малыш.

— Давай поспорим. Спорю на шоколадку, что я прав.

Малыш подумал, что, может быть, именно это мама и имела в виду, когда советовала ему разрешать споры словами, а не кулаками.

— Ну, давай держать пари! — настаивал Карлсон. — Давай, — согласился Малыш. Он взял одну из шоколадок и положил её на верстак, чтобы было ясно, на что они спорят, а затем принялся готовить лекарство по рецепту Карлсона. Он бросил в чашку несколько леденцов, несколько засахаренных орешков, добавил кусочек шоколаду, растолок всё это и перемешал. Потом раскрошил миндальные ракушки и тоже высыпал их в чашку. Такого лекарства Малыш ещё в жизни не видел, но оно выглядело так аппетитно, что он и сам согласился бы слегка поболеть, чтобы принять это лекарство.

Карлсон уже привстал на своём диване и как птенец, широко разинул рот. Малышу показалось совестным взять у него хоть ложку «приторного порошка».

— Всыпь в меня большую дозу, — попросил Карлсон.

Малыш так и сделал. Потом они сели и молча принялись ждать, когда у Карлсона упадёт температура.

Спустя полминуты Карлсон сказал:

— Ты был прав, это лекарство не помогает от жара. Дай-ка мне теперь шоколадку.

— Тебе? — удивился Малыш. — Ведь я выиграл пари!

— Ну да, пари выиграл ты, значит, мне надо получить в утешение шоколадку. Нет справедливости на этом свете! А ты всего-навсего гадкий мальчишка, ты хочешь съесть шоколад только потому, что у меня не упала температура.

Малыш с неохотой протянул шоколадку Карлсону, который мигом откусил половину и, не переставая жевать, сказал:

— Нечего сидеть с кислой миной. В другой раз, когда я выиграю спор, шоколадку получишь ты.

Карлсон продолжал энергично работать челюстями и, проглотив последний кусок, откинулся на подушку и тяжело вздохнул:

— Как несчастны все больные! Как я несчастен! Ну что ж, придётся попробовать принять двойную дозу «приторного порошка», хоть я и ни капельки не верю, что он меня вылечит.

— Почему? Я уверен, что двойная доза тебе поможет. Давай поспорим! — предложил Малыш.

Честное слово, теперь и Малышу было не грех немножко схитрить. Он, конечно, совершенно не верил, что у Карлсона упадёт температура даже и от тройной порции «приторного порошка», но ведь ему так хотелось на этот раз проспорить! Осталась одна шоколадка, и он её получит, если Карлсон выиграет спор.

— Что ж, давай поспорим! Приготовь-ка мне поскорее двойную дозу «приторного порошка». Когда нужно сбить температуру, ничем не следует пренебрегать. Нам ничего не остаётся, как испробовать все средства и терпеливо ждать результата.

Малыш смешал двойную дозу порошка и всыпал его в широко раскрытый рот Карлсона. Затем они снова уселись, замолчали и стали ждать. Полминуты спустя Карлсон с сияющим видом соскочил с дивана.

— Свершилось чудо! — крикнул он. — У меня упала температура! Ты опять выиграл. Давай сюда шоколад.

Малыш вздохнул и отдал Карлсону последнюю плиточку. Карлсон недовольно взглянул на него:

— Упрямцы вроде тебя вообще не должны держать пари. Спорить могут только такие как я. Проиграл ли, выиграл ли Карлсон, он всегда сияет, как начищенный пятак.

Воцарилось молчание, во время которого Карлсон дожёывал свой шоколад. Потом он сказал:

— Но раз ты такой лакомка, такой обжора, лучше всего будет побратски поделить остатки. У тебя ещё есть конфеты? Малыш пошарил в карманах. — Вот, три штуки. — И он вытащил два засахаренных орешка и один леденец.

— Три пополам не делится, — сказал Карлсон, — это знают даже малые дети. — И, быстро схватив с ладони Малыша леденец, проглотил его. — Вот теперь можно делить, — продолжал Карлсон и с жадностью поглядел на оставшиеся два орешка: один из них был чуточку больше другого. — Так как я очень милый и очень скромный, то разрешаю тебе взять первому. Но помни: кто берёт первым, всегда должен брать то, что поменьше, — закончил Карлсон и строго взглянул на Малыша.

Малыш на секунду задумался, но тут же нашёлся:

— Уступаю тебе право взять первым.

— Хорошо, раз ты такой упрямый! — вскрикнул Карлсон и, схватив больший орешек, мигом засунул его себе в рот.

Малыш посмотрел на маленький орешек, одиноко лежавший на его ладони.

— Послушай, — сказал он, — ведь ты же сам говорил, что тот, кто берёт первым, должен взять то, что поменьше.

— Эй ты, маленький лакомка, если бы ты выбирал первым, какой бы орешек ты взял себе?

— Можешь не сомневаться, я взял бы меньший, — твёрдо ответил Малыш.

— Так что ж ты волнуешься? Ведь он тебе и достался!

Малыш вновь подумал о том, что, видимо, это и есть то самое разрешение спора словами, а не кулаками, о котором говорила мама.

Но Малыш не умел долго дуться. К тому же он был очень рад, что у Карлсона упала температура. Карлсон тоже об этом вспомнил.

— Я напишу всем врачам на свете, — сказал он, — и сообщу им, какое лекарство помогает от жара. «Принимайте „приторный порошок“, приготовленный по рецепту Карлсона, который живёт на крыше». Так я и напишу: «Лучшее в мире средство против жара».

Малыш ещё не съел свой засахаренный орешек. Он лежал у него на ладони, такой заманчивый, аппетитный и восхитительный, что Малышу захотелось сперва им немного полюбоваться. Ведь стоит только положить в рот конфетку, как её уже нет.

Карлсон тоже смотрел на засахаренный орешек Малыша. Он долго не сводил глаз с этого орешка, потом наклонил голову и сказал:

— Давай поспорим, что я смогу взять этот орешек так, что ты и не заметишь.

— Нет, ты не сможешь, если я буду держать его: ладони и всё время смотреть на него.

— Ну, давай поспорим, — повторил Карлсон.

— Нет, — сказал Малыш. — Я знаю, что выиграю, и тогда ты опять получишь конфету.

Малыш был уверен, что такой способ спора неправильный. Ведь когда он спорил с Боссе или Бетан, награду получал тот, кто выигрывал.

— Я готов спорить, но только по старому, правильному способу, чтобы конфету получил тот, кто выиграет.

— Как хочешь, обжора. Значит, мы спорим, что я смогу взять этот орешек с твоей ладошки так, что ты и не заметишь.

— Идёт! — согласился Малыш.

— Фокус-покус-фили-покус! — крикнул Карлсон и схватил засахаренный орешек. — Фокус-покус-фили — покус, — повторил он и сунул орешек себе в рот.

— Стоп! — закричал Малыш. — Я видел, как ты его взял.

— Что ты говоришь! — сказал Карлсон и поспешил проглотил орешек. — Ну, значит, ты опять выиграл. Никогда не видел мальчишки, которому бы так везло в споре.

— Да… но конфета… — растерянно пробормотал Малыш. — Ведь её должен был получить тот, кто выиграл.

— Верно, — согласился Карлсон. — Но её уже нет, и я готов спорить, что мне уже не удастся её вернуть назад.

Малыш промолчал, но подумал, что слова — никуда не годное средство для выяснения, кто прав, а кто виноват; и он решил сказать об этом маме, как только её увидит. Он сунул руку в свой пустой карман. Подумать только! — там лежал ещё один засахаренный орех, которого он раньше не заметил. Большой, липкий, прекрасный орех.

— Спорим, что у меня есть засахаренный орех! Спорим, что я его сейчас съем! — сказал Малыш и быстро засунул орех себе в рот.

Карлсон сел. Вид у него был печальный.

— Ты обещал, что будешь мне родной матерью, а занимаешься тем, что набиваешь себе рот сладостями. Никогда ещё не видел такого прожорливого мальчишки!

Минуту он просидел молча и стал ещё печальнее.

— Во-первых, я не получил пятиэровой монеты за то, что кусается шарф.

— Ну да. Но ведь тебе не завязывали горло, — сказал Малыш.

— Я же не виноват, что у меня нет шарфа! Но если бы нашёлся шарф, мне бы наверняка завязали им горло, он бы кусался, и я получил бы пять эре... — Карлсон умоляюще посмотрел на Малыша, и его глаза наполнились слезами. — Я должен страдать оттого, что у меня нет шарфа? Ты считаешь, это справедливо?

Нет, Малыш не считал, что это справедливо, и он отдал свою последнюю пятиэровую монетку Карлсону, который живёт на крыше.

Ну, а теперь я хочу немного поразвлечься, — сказал Карлсон минуту спустя. — Давай побегаем по крышам и там уж сообразим, чем заняться.

Малыш с радостью согласился. Он взял Карлсона за руку, и они вместе вышли на крышу. Начинало смеркаться, и всё вокруг выглядело очень красиво: небо было таким синим, каким бывает только весной; дома, как всегда, в сумерках, казались какими-то таинственными. Внизу зеленел парк, в котором часто играл Малыш, а от высоких тополей, растущих во дворе, поднимался чудесный, острый запах листвы. Этот вечер был прямо создан для прогулок по крышам. Из раскрытых окон доносились самые разные звуки и шумы: тихий разговор каких-то людей детский смех и детский плач; звяканье посуды, которую кто-то мыл на кухне; лай собаки; бренчание на пианино. Где-то загрохотал мотоцикл, а когда он промчался и шум затих, донёсся цокот копыт и тарахтение телеги.

— Если бы люди знали, как приятно ходить по крышам, они давно бы перестали ходить по улицам, — сказал Малыш. — Как здесь хорошо!

— Да, и очень опасно, — подхватил Карлсон, — потому что легко сорваться вниз. Я тебе покажу несколько мест, где сердце прямо ёкает от страха.

Дома так тесно прижались друг к другу, что можно было свободно перейти с крыши на крышу. Выступы мансарды, трубы и углы придавали крышам самые причудливые формы.

И правда, гулять здесь было так опасно, что дух захватывало. В одном месте между домами был широкая щель, и Малыш едва не свалился в неё. Но в последнюю минуту, когда нога Малыша уже соскользнула с карниза, Карлсон схватил его за руку.

— Весело? — крикнул он, втаскивая Малыша на крышу. — Вот как раз такие места я и имел в виду. Что ж, пойдём дальше?

Но Малышу не захотелось идти дальше — сердце у него билось слишком сильно. Они шли по таким трудным и опасным местам, что приходилось цепляться руками и ногами, чтобы не сорваться. А Карлсон, желая позабавить Малыша, нарочно выбирал дорогу потруднее.

— Я думаю, что настало время нам немножко повеселиться, — сказал Карлсон. — Я частенько гуляю по вечерам на крышах и люблю подшутить над людьми, живущими вот в этих мансардах.

— Как подшутить? — спросил Малыш.

— Над разными людьми по-разному. И я никогда не повторяю дважды одну и ту же шутку. Угадай, кто лучший в мире шутник?

Вдруг где-то поблизости раздался громкий плач грудного младенца. Малыш ещё раньше слышал, что кто-то плакал, но потом плач прекратился. Видимо, ребёнок на время успокоился, а сейчас снова принял кричать. Крик доносился из ближайшей мансарды и звучал жалостно и одиноко.

— Бедная малютка! — сказал Малыш. — Может быть, у неё болит живот.

— Это мы сейчас выясним, — отозвался Карлсон.

Они поползли вдоль карниза, пока не добрались до окна мансарды. Карлсон поднял голову и осторожно заглянул в комнату.

— Чрезвычайно заброшенный младенец, — сказал он. — Ясное дело, отец с матерью где-то бегают.

Ребёнок прямо надрывался от плача.

— Спокойствие, только спокойствие! — Карлсон приподнялся над подоконником и громко произнёс: — Идёт Карлсон, который живёт на крыше, — лучшая в мире нянька.

Малышу не захотелось оставаться одному на крыше, и он тоже перелез через окно вслед за Карлсоном, со страхом думая о том, что будет, если вдруг появятся родители малютки.

Зато Карлсон был совершенно спокоен. Он подошёл к кроватке, в которой лежал ребёнок, и пощекотал его под подбородком своим толстеньkim указательным пальцем.

— Плюти-плюти-плют! — сказал он шаловливо, затем, обернувшись к Малышу, объяснил: — Так всегда говорят грудным детям, когда они плачут.

Младенец от изумления на мгновение затих, но тут же разревелся с новой силой.

— Плюти-плюти-плют! — повторил Карлсон и добавил: — А ещё с детьми вот как делают...

Он взял ребёнка на руки и несколько раз энергично его встряхнул.

Должно быть, малютке это показалось забавным, потому что она вдруг слабо улыбнулась беззубой улыбкой. Карлсон был очень горд.

— Как легко развеселить крошку! — сказал он. — Лучшая в мире нянька — это...

Но закончить ему не удалось, так как ребёнок опять заплакал.

— Плюти-плюти-плют! — раздражённо прорычал Карлсон и стал ещё сильнее трясти девочку. — Слышишь, что я тебе говорю? Плюти-плюти-плют! Понятно?

Но девочка орала во всю глотку, и Малыш протянул к ней руки.

— Дай-ка я её возьму, — сказал он.

Малыш очень любил маленьких детей и много раз просил маму и папу подарить ему маленькую сестрёнку, раз уж они наотрез отказываются купить собаку.

Он взял из рук Карлсона кричащий свёрток и нежно прижал его к себе.

— Не плачь, маленькая! — сказал Малыш. — Ты ведь такая милая...

Девочка затахла, посмотрела на Малыша серьёзными блестящими глазами, затем снова улыбнулась своей беззубой улыбкой и что-то тихонько залепетала.

— Это мой плюти-плюти-плют подействовал, — произнёс Карлсон.

— Плюти-плюти-плют всегда действует безотказно. Я тысячи раз проверял.

— Интересно, а как её зовут? — сказал Малыш и легонько провёл указательным пальцем по маленькой неясной щёчке ребёнка.

— Гюльфия, — ответил Карлсон. — Маленьких девочек чаще всего зовут именно так.

Малыш никогда не слыхал, чтобы какую-нибудь девочку звали Гюльфия, но он подумал, что уж кто-кто, а лучшая в мире нянька знает, как обычно называют таких малюток.

— Малышка Гюльфия, мне кажется, что ты хочешь есть, — сказал Малыш, глядя, как ребёнок норовит схватить губами его указательный палец.

— Если Гюльфия голодна, то вот здесь есть колбаса и картошка, — сказал Карлсон, заглянув в буфет. — Ни один младенец в мире не умрёт с голода, пока у Карлсона не переведутся колбаса и картошка.

Но Малыш сомневался, что Гюльфия станет есть колбасу и картошку.

— Таких маленьких детей кормят, по-моему, молоком, — возразил он.

— Значит, ты думаешь, лучшая в мире нянька не знает, что детям дают и чего не дают? — возмутился Карлсон. — Но если ты так настаиваешь, я могу слетать за коровой... — Тут Карлсон недовольно взглянул на окно и добавил: — Хотя трудно будет протащить корову через такое маленькое окошко.

Гюльфия тщетно ловила палец Малыша и жалобно хныкала. Действительно, похоже было на то, что она голодна.

Малыш пошарил в буфете, но молока не нашёл: там стояла лишь тарелка с тремя кусочками колбасы.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Я вспомнил, где можно достать молока... Мне придётся кое-куда слетать... Привет, я скоро вернусь!

Он нажал кнопку на животе и, прежде чем Малыш успел опомниться, стремительно вылетел из окна. Малыш страшно перепугался. Что, если Карлсон, как обычно, пропадёт на несколько часов? Что, если родители ребёнка вернутся домой и увидят свою Гюльфию на руках у Малыша?

Но Малышу не пришлось сильно волноваться — на этот раз Карлсон не заставил себя долго ждать. Гордый, как петух, он влетел в окно, держа в руках маленькую бутылочку с соской, такую, из которой обычно пают грудных детей.

— Где ты её достал? — удивился Малыш.

— Там, где я всегда беру молоко, — ответил Карлсон, — на одном балконе в Остермальме.

— Как, ты её просто стащил? — воскликнул Малыш.

— Я её... взял взаймы.

— Взаймы? А когда ты собираешься её вернуть?

— Никогда!

Малыш строго посмотрел на Карлсона. Но Карлсон только махнул рукой:

— Пустяки, дело житейское... Всего-навсего одна крошечная бутылочка молока. Там есть семья, где родилась тройня, и у них на балконе в ведре со льдом полно таких бутылочек. Они будут только рады, что я взял немного молока для Гюльфии.

Гюльфия протянула свои маленькие ручки к бутылке и нетерпеливо зачмокала.

— Я сейчас погрею молочко, — сказал Малыш и передал Гюльфию Карлсону, который снова стал вопить: «Плюти-плюти-плют» и трясти малютку.

А Малыш тем временем включил плитку и стал греть бутылочку.

Несколько минут спустя Гюльфия уже лежала в своей кроватке, и крепко спала. Она была сыта и довольна. Малыш суетился вокруг неё. Карлсон яростно раскачивал кроватку и громко распевал:

— Плюти-плюти-плют... Плюти-плюти-плют...

Но, несмотря на весь этот шум, Гюльфия заснула, потому что она наелаась и устала.

— А теперь, прежде чем уйти отсюда, давай попроказничаем, — предложил Карлсон.

Он подошёл к буфету и вынул тарелку с нарезанной колбасой. Малыш следил за ним, широко раскрыв глаза от удивления. Карлсон взял с тарелки один кусочек.

— Вот сейчас ты увидишь, что значит прооказничать. — И Карлсон нацепил кусочек колбасы на дверную ручку. — Номер первый, — сказал он и с довольным видом кивнул головой.

Затем Карлсон побежал к шкафчику, на котором стоял красивый белый фарфоровый голубь, и, прежде чем Малыш успел вымолвить слово, у голубя в клюве тоже оказалась колбаса.

— Номер второй, — проговорил Карлсон. — А номер третий получит Гюльфия.

Он схватил с тарелки последний кусок колбасы и сунул его в ручку спящей Гюльфии. Это и в самом деле выглядело очень смешно. Можно было подумать, что Гюльфия сама встала, взяла кусочек колбасы и заснула с ним.

Но Малыш всё же сказал:

— Прошу тебя, не делай этого.

— Спокойствие, только спокойствие! — ответил Карлсон. — Мы отучим её родителей убегать из дома по вечерам.

— Почему? — удивился Малыш.

— Ребёнка, который уже ходит и берёт себе колбасу, они не решатся оставить одного. Кто может предвидеть, что она захочет взять в другой раз? Быть может, папин воскресный галстук?

И Карлсон проверил, не выпадет ли колбаса из маленькой ручки Гюльфии.

— Спокойствие, только спокойствие! — продолжал он. — Я знаю, что делаю. Ведь я — лучшая в мире нянька.

Как раз в этот момент Малыш услышал, что кто-то поднимается по лестнице, и подскочил от испуга.

— Они идут! — прошептал он.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и потащил Малыша к окну.

В замочную скважину уже всунули ключ. Малыш решил, что всё пропало. Но, к счастью, они всё-таки успели вылезти на крышу. В следующую секунду хлопнула дверь, и до Малыша долетели слова:

— А наша милая маленькая Сусанна спит себе да спит! — сказала женщина.

— Да, дочка спит, — отозвался мужчина.

Но вдруг раздался крик. Должно быть, папа и мама Гюльфии заметили, что девочка сжимает в ручке кусок колбасы.

Малыш не стал ждать, что скажут родители Гюльфии о проделках лучшей в мире няньки, которая, едва заслышав их голоса, быстро спряталась за трубу.

— Хочешь увидеть жуликов? — спросил Карлсон Малыша, когда они немного отдохнули. — Тут у меня в одной мансарде живут два первоклассных жулика.

Карлсон говорил так, словно эти жулики были его собственностью. Малыш в этом усомнился, но, так или иначе, ему захотелось на них поглядеть.

Из окна мансарды, на которое указал Карлсон, доносился громкий говор, смех и крики.

— О, да здесь царит веселье! — воскликнул Карлсон. — Пойдём взглянем, чем это они так забавляются.

Карлсон и Малыш опять поползли вдоль карниза. Когда они добрались до мансарды, Карлсон поднял голову и посмотрел в окно. Оно было занавешено. Но Карлсон нашёл дырку, сквозь которую была видна вся комната.

— У жуликов гость, — прошептал Карлсон.

Малыш тоже посмотрел в дырку. В комнате сидели два субъекта, по виду вполне похожие на жуликов, и славный скромный малый вроде тех парней, которых Малыш видел в деревне, где жила его бабушка.

— Знаешь, что я думаю? — прошептал Карлсон. — Я думаю, что мои жулики затеяли что-то нехорошее. Но мы им помешаем... — Карлсон ещё раз поглядел в дырку. — Готов поспорить — они хотят обобрать этого беднягу в красном галстуке!

Жулики и парень в галстуке сидели за маленьким столиком у самого окна. Они ели и пили.

Время от времени жулики дружески похлопывали своего гостя по плечу, приговаривая:

— Как хорошо, что мы тебя встретили, дорогой Оскар!

— Я тоже очень рад нашему знакомству, — отвечал Оскар. — Когда впервые приезжаешь в город, очень хочется найти добрых друзей, верных и надёжных. А то налетишь на каких-нибудь мошенников, и они тебя мигом облапошат.

Жулики одобрительно поддакивали:

— Конечно. Недолго стать жертвой мошенников. Тебе, парень, здорово повезло, что ты встретил Филле и меня.

— Ясное дело, не повстречай ты Рулле и меня, тебе бы худо пришлось. А теперь ешь да пей в своё удовольствие, — сказал тот, которого звали Филле, и вновь хлопнул Оскара по плечу.

Но затем Филле сделал нечто такое, что совершенно изумило Малыша: он как бы случайно сунул свою руку в задний карман брюк Оскара, вынул оттуда бумажник и осторожно засунул его в задний карман своих собственных брюк. Оскар ничего не заметил, потому что как раз в этот момент Рулле стиснул его в своих объятиях. Когда же Рулле наконец разжал объятия, у него в руке оказались часы Оскара. Рулле их также отправил в задний карман своих брюк. И Оскар опять ничего не заметил.

Но вдруг Карлсон, который живёт на крыше, осторожно просунул свою пухлую руку под занавеску и вытащил из кармана Филле бумажник Оскара. И Филле тоже ничего не заметил. Затем Карлсон снова просунул под занавеску свою пухлую руку и вытащил из кармана Рулле часы. И тот тоже ничего не заметил. Но несколько минут спустя, когда Рулле, Филле и Оскар ещё выпили и закусили, Филле сунул руку в свой карман и обнаружил, что бумажник исчез. Тогда он злобно взглянул на Рулле и сказал:

— Послушай-ка, Рулле, давай выйдем в прихожую. Нам надо кое о чём потолковать.

А тут как раз Рулле полез в свой карман и заметил, что исчезли часы. Он, в свою очередь, злобно поглядел на Филле и произнёс:

— Пошли! И у меня есть к тебе разговор.

Филле и Рулле вышли в прихожую, а бедняга Оскар остался совсем один. Ему, должно быть, стало скучно сидеть одному, и он тоже вышел в прихожую, чтобы посмотреть, что там делают его новые друзья.

Тогда Карлсон быстро перемахнул через подоконник и положил бумажник в суповую миску. Так как Филле, Рулле и Оскар уже съели весь суп, то бумажник не намок. Что же касается часов, то их Карлсон прицепил к лампе. Они висели на самом виду, слегка раскачиваясь, и Филле, Рулле и Оскар увидели их, как только вернулись в комнату.

Но Карлсона они не заметили, потому что он залез под стол, накрытый свисающей до пола скатертью. Под столом сидел и Малыш, который, несмотря на свой страх, ни за что не хотел оставить Карлсона одного в таком опасном положении.

— Гляди-ка, на лампе болтаются мои часы! — удивлённо воскликнул Оскар. — Как они могли туда попасть?

Он подошёл к лампе, снял часы и положил их в карман своей куртки.

— А здесь лежит мой бумажник, честное слово! — ещё больше изумился Оскар, заглянув в суповую миску. — Как странно!

Рулле и Филле уставились на Оскара.

— А у вас в деревне парни, видно, тоже не промах! — воскликнули они хором.

Затем Оскар, Рулле и Филле опять сели за стол.

— Дорогой Оскар, — сказал Филле, — ешь и пей досыта!

И они снова стали есть и пить и похлопывать друг друга по плечу.

Через несколько минут Филле, приподняв скатерть, бросил бумажник Оскара под стол. Видно, Филле полагал, что на полу бумажник будет в большей сохранности, чем в его кармане. Но

вышло иначе: Карлсон, который сидел под столом, поднял бумажник и сунул его в руку Рулле. Тогда Рулле сказал:

— Филле, я был к тебе несправедлив, ты благородный человек.

Через некоторое время Рулле просунул руку под скатерть и положил на пол часы. Карлсон поднял часы и, толкнув Филле ногой, вложил их ему в руку. Тогда и Филле сказал:

— Нет товарища надёжнее тебя, Рулле!

Но тут Оскар завопил:

— Где мой бумажник? Где мои часы?

В тот же миг и бумажник и часы вновь оказались на полу под столом, потому что ни Филле, ни Рулле не хотели быть пойманными с поличным, если Оскар поднимет скандал. А Оскар уже начал выходить из себя, громко требуя, чтобы ему вернули его вещи. Тогда Филле закричал:

— Почем я знаю, куда ты дел свой паршивый бумажник!

А Рулле добавил:

— Мы не видели твоих дрянных часов! Ты сам должен следить за своим добром.

Тут Карлсон поднял с пола сперва бумажник, а потом часы и сунул их прямо в руки Оскару. Оскар схватил свои вещи и воскликнул:

— Спасибо тебе, милый Филле, спасибо, Рулле, но в другой раз не надо со мной так шутить!

Тут Карлсон изо всей силы стукнул Филле по ноге.

— Ты у меня за это поплатишься, Рулле! — завопил Филле.

А Карлсон тем временем ударил Рулле по ноге так, что тот прямо завыл от боли.

— Ты что, рехнулся? Чего ты дерёшься? — крикнул Рулле.

Рулле и Филле выскочили из-за стола и принялись тузить друг друга так энергично, что все тарелки попадали на пол и разбились, а Оскар, до смерти перепугавшись, сунул в карман бумажник и часы и убрался восвояси.

Больше он сюда никогда не возвращался. Малыш тоже очень испугался, но он не мог убраться восвояси и поэтому, притаившись, сидел под столом.

Филле был сильнее Рулле, и он вытолкнул Рулле в прихожую, чтобы там окончательно с ним расправиться.

Тогда Карлсон и Малыш быстро вылезли из-под стола. Карлсон, увидев осколки тарелок, разбросанные по полу, сказал:

— Все тарелки разбиты, а суповая миска цела. Как, должно быть, одиноко этой бедной суповой миске!

И он изо всех сил тряхнул суповую миску об пол. Потом они с Малышом кинулись к окну и быстро вылезли на крышу.

Малыш услышал, как Филле и Рулле вернулись в комнату и как Филле спросил:

— А чего ради ты, болван, ни с того ни с сего отдал ему бумажник и часы?

— Ты что, спятил? — ответил Рулле. — Ведь это же ты сделал!

Услышав их ругань, Карлсон расхохотался так, что у него затрясся живот.

— Ну, на сегодня хватит развлечений! — проговорил он сквозь смех.

Малыш тоже был сыт по горло сегодняшними проделками.

**Михалков С.
«А что у вас?»**

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел, Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

- А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?

- А у нас сегодня гость.
А у вас?

- А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюдца не хотят.

- А у нас на кухне газ.
А у вас?

- А у нас водопровод.
Вот.

- А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

- Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.

- А у нас огонь погас -
Это раз.
Грузовик привёз дрова -
Это два.

А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
- Мама - лётчик?
Что ж такого!
Вот у Коли, например,
Мама - милиционер.
А у Толи и у Веры
Обе мамы - инженеры.

А у Лёвы мама - повар.
Мама - лётчик?
Что ж такого!

- Всех важней,- сказала Ната,-
Мама вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
- Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты -
Это очень хорошо.

Повар делает компоты -
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны.
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

